ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1929 г.

СЕНТЯБРЬ 9 1991

УЧРЕДИТЕЛИ:
Институт экономики АН СССР,
Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы экономики»

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

Б. БРУЦКУС

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ, ЕГО ПРИРОДА И ЕГО СУДЬБЫ*

15 марта 1921 г. Ленин объявил о замене продразверстки продналогом и признал за крестьянами право после сдачи продналога свободно отчуждать продукты своего производства. Это решение имело неисчислимые последствия и стало исходным моментом процесса частичного восстановления русского народного хозяйства, свидетелем коего мы были в минувшие 7 лет после объявления так называемого нэпа.

Однако за означенный период все больше обостряются тенденции ограничить первоначально довольно широко намеченное поприще для развития частного хозяйства, и наконец, зимой 1927 г. частная торговля была почти ликвидирована, и коммунистическая власть вернулась к массовому принудительному изъятию сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Этим она глубоко потрясла все основы утвердившейся было за минувшие семь лет хозяйственной системы. Чрезвычайно противоречивая политика советской власти последнего года, то пытающейся восстановить основы нэпа, а то возвращающейся к приемам эпохи чистого коммунизма, является ярким свидетельством переломного характера переживаемого момента.

По истечении семи лет система нэпа, по-видимому, подошла к концу, и Россия стоит накануне важных перемен в ее экономической жизни, характер коих, когда пишутся эти строки, еще не успел определиться. И вот в такой переходный момент более чем когда-либо является своевременным оглянуться назад и попытаться уяснить себе, какова природа того хозяйственного строя, который складывался под нэпом, и каковы причины как минувшего подъема народного хозяйства, так и теперешнего его глубокого кризиса.

Но прежде чем заняться этим исследованием, мы должны предварительно остановиться на вопросе о том, возможно ли в создавшихся своеобразных условиях объективное познание народного хозяйства современной России.

I. О познании народного хозяйства Советской России

Властвующей партии удалось в XX в. окружить громадное государство, которое до войны находилось в довольно тесном общении с окружающим миром, глухой стеной. Наши встречи с приезжающими советскими гражданами немногочисленны и случайны. К писаниям же посещающих Россию иностранцев мы не без основания относимся с большим скептицизмом. В Россию пускают главным образом тех, кто там ищет материал для славословий; если же туда попадают непредубежденные иностранцы, то они обычно слишком мало подготовлены для того, чтобы разобраться в чрезвычайно своеобразных явлениях русской жизни, да они и не имеют возможности внимательно изучить ее. Фактически у нас остается только один путь для познания русской жизни — изучение той литературы, которая в России печатается. Но вся она проходит через двойную и тройную коммунистическую цензуру, она исходит, если

* Перепечатывается из журнала «Современные записки», Париж, 1929, книги XXXVIII и XXXIX.

не от коммунистов, то, во всяком случае, от людей, которые находятся в зависимости от коммунистической власти. Может ли такая литература служить достаточным основанием для объективного познания русской действительности?

Поскольку речь идет об экономической жизни современной России, мы на этот вопрос отвечаем с полной решительностью утвердительно. Имеются чрезвычайно богатая экономическая статистика и чрезвычайно богатая экономическая литература, на основании которых можно составить себе отчетливое представление о хозяйственной жизни современной России *. Конечно, у большевистской власти имеются секреты, которых касаться не полагается, но не этими частностями определяется хозяйственная жизнь страны.

Исследования экономической жизни получили потому такое широкое развитие в современной России, что государственная власть в них чрезвычайно сильно заинтересована — более чем всякое другое правительство. В России важнейшие экономические организации находятся в руках государства; последнее должно поэтому внимательно следить за тем, как они функционируют, иначе оно лишается возможности ими руководить. Мало того, государство претендует «в плановом порядке» направлять всю хозяйственную жизнь страны, и следовательно, все ее стороны должны быть самым тщательным образом исследованы. Многие элементы экономики, которые в буржуазных странах мало изучаются, потому ли, что ими мало интересуются, потому ли, что соответствующие материалы трудно извлечь из недр частного хозяйства («коммерческая тайна»), в современной России могут и должны быть изучены. Таким образом, исключительное богатство русских экономических материалов является непосредственным следствием своеобразной организации русской экономической жизни.

Всякое эмпирическое исследование экономической жизни должно опираться на статистический материал, а потому остановимся прежде всего вкратце на оценке современной русской статистики, относительно которой в зарубежной прессе нередко высказываются ошибочные суждения.

Дореволюционная Россия была страной довольно высокой статистической культуры. Но, к сожалению, научная статистика имела в ней лишь узкую сферу применения,— только у русских земств эта наука была исстари в чести. Дореволюционная Россия могла бы поэтому похвалиться чрезвычайным богатством своих, правда разрозненных, материалов по аграрной статистике, равно как тщательно разработанными методами соответствующих исследований.

Зато главный орган правительственной статистики — Центральный Статистический Комитет — относился к статистической науке холодно. Он вел свою работу по стародавним бюрократическим шаблонам. Его публикации были скудны и с методологической стороны убоги. Правда, издания Центрального Статистического Комитета дополнялись несколько лучше обработанными статистическими материалами Министерства Финансов, Главного Управления Землеустройства и Земледелия и других ведомств. Но все же следует признать, что эти материалы были недостаточны для надлежащего освещения хозяйственной жизни страны.

Большевистская власть с самого начала отнеслась к созданию своего статистического аппарата с большим вниманием. К работе во вновь созданном Центральном Статистическом Управлении (ЦСУ) были привлечены все лучшие силы, которыми Россия располагала. А силы эти имелись, и не оскудела ими Россия и под коммунистической властью. Современная статистика России очень богата, и она стремится осветить экономическую жизнь страны со всех сторон. Кроме ЦСУ, имеются и другие учреждения, занимающиеся статистическими исследованиями, как Госплан и Конъюнктурный Институт Наркомфина (потерявший, впрочем, недавно свою прежнюю организацию). Работы последнего учреждения представляют совершенно исключительную ценность не только на русский, но и на иностранный масштаб, и, конечно, наша дореволюционная статистика не может дать ничего такого, что с этими работами могло бы пойти в сравнение.

---

* Говоря о богатстве экономической литературы, я, конечно, не имею в виду теоретическую экономию. Последняя как безнадежно зараженная «буржуазным» духом находится в сущности в Советской России под запретом. То, что под ее именем там преподносится, есть своеобразная марксистская схоластика.

Из сказанного, конечно, не вытекает, что все публикуемые в России материалы одинаково ценны и достоверны. Вообще статистическими материалами следует всегда пользоваться, учитывая методы их получения.

Причина недостаточной точности русских статистических материалов заключается не в неудовлетворительной постановке центральных статистических органов, а в том, что эти материалы приходится получать в малокультурной среде, которая при этом очень часто, и обычно не без основания, относится с большой опаской ко всякой регистрации. Поэтому, например, массовые данные о сельском хозяйстве, получение коих и в более культурных странах связано подчас с большими трудностями, очень неточны. Однако выборочные обследования сельского хозяйства, которые производятся под более строгим контролем статистических органов, уже довольно точны. А русские бюджетные исследования крестьянского хозяйства по своей методологической постановке являются замечательными в мировой науке.

Имеются также и некоторые специфические дефекты советской статистики. Потребности «планового хозяйства» вынуждают правительство требовать, чтобы статистики умели все выразить в цифрах. Создается так называемый «фетишизм цифр», на который нередко жалуются экономисты в России, ибо в конце концов имеются явления, попытки учета коих могут дать лишь сомнительные результаты.

Кроме того, часто требуется сделать учет в слишком ранний момент, когда таковой сопряжен с особенно большими трудностями. В июле начинается закупочная кампания нового сельскохозяйственного года, и правительство требует от статистики прикидки о размерах урожая, который еще даже не собран. Конечно, при таких прикидках бывают ошибки на сотни миллионов пудов. Но иронизировать по поводу таких ошибок могут только те, которые не имеют никакого представления о такого рода работах, которые ничего не знают о громадных трудностях, с ними связанных.

Но могут заметить: зачем же Советская власть ставит своей статистике такие задачи? и зачем она берется их решать? Но ведь это только в буржуазных государствах экономическая жизнь развертывается как-то сама собой, стихийно, и дело все-таки не так уж плохо налаживается. В Советском государстве и с планом наплачешься, а без плана и совсем с места сдвинуться нельзя. Здесь все-таки лучше иметь в июле неточную прикидку урожая, чем совсем таковой не иметь.

Указанные объективные причины очень часто приводят к тому, что, несмотря на хорошую организацию статистики в современной России, ее материалы не всегда достаточно точны. Но если материалы советской статистики часто и неудовлетворительны, то все же упреки, делаемые советской статистике в какой-то специфической тенденциозности, несправедливы, они даже бессмысленны. Тот, кто представляет себе отчетливо статистическую работу, конечно, со мной согласится, что нельзя собирать массовых материалов с тенденцией, и что нельзя их тенденциозно и подсчитывать. Конечно, опрашиваемые очень часто норовят дать тенденциозные ответы. Специфическая задача статистики и состоит в том, чтобы преодолеть эту тенденциозность опрашиваемых. Это не всегда удается. Но и тогда материал можно назвать плохим, а не тенденциозным, ибо он отражает тенденции не статистического учреждения, а опрашиваемых *

Но что в Советской России практикуется в самом широком масштабе, так это тенденциозное использование статистических материалов в агитационных целях. Зарубежная публицистика, конечно, совершенно права, когда она относится с величайшей осторожностью к уснащенным статистическими цифрами агитационным выступлениям вождей коммунизма. Но как бы тенденциозно подчас ни использовались цифры советской статистики, они этим еще не могут быть скомпрометированы.

Богатая экономическая статистика современной России дополняется и очень богатой экономической литературой. Теперешнюю журнальную экономическую литературу

* В связи с этим ни в коем случае нельзя сказать, что все ошибки советской статистики делаются ad majorem gloriam коммунистической власти. Так, ЦСУ очень долго утверждало, что к 1922 г. посевная площадь сократилась против довоенного времени слишком наполовину (по первоначальным вычислениям, даже на 56,4%). Балансовые расчеты и монографические исследования доказали, что падение посевов не было настолько катастрофичным, что посевы сократились менее чем на 1/3 (заметим, что и при таком сокращении могут в неурожайный год погибнуть с голоду миллионы людей). Разумеется, что указанная цифра сокращения посевных площадей, которая стала известна orbi et urbi, не содействовала поднятию престижа Советской власти.

даже не приходится сравнивать с дореволюционной. До революции мы, в сущности, имели только один серьезный экономический журнал в России «Вестник Финансов». Кроме того, проф. Ходский иногда издавал свое «Народное хозяйство», но чаще не издавал. Теперь мы имеем «Эконом. Обозрение», «Статист. Обозрение», «Вестн. Финансов», «Плановое хозяйство», «Социалист. Хозяйство» и т. д., и т. д. До последней зимы выходили «Бюллетени Конъюнкт. Института», с помощью которых было чрезвычайно удобно нащупывать пульс русской экономической жизни. Кроме того, выходит ряд специальных журналов, посвященных аграрным отношениям, промышленности, финансам, кооперации и т. д. Независимые и автономные республики имеют свои журналы, которые печатаются при этом преимущественно на русском языке. Некоторые из этих журналов очень содержательны, и в них обсуждаются и общие проблемы. Экономические газеты заключают богатейший материал о хозяйственной жизни страны. В этих журналах и газетах работают не одни коммунисты, а преимущественно беспартийные экономисты, из которых многие заслужили себе хорошее научное имя еще до революции.

В газетах, реже в журналах встречаются руководящие, официозные статьи, дышащие благонамеренностью и оптимизмом; но не они определяют их содержание. Назначение журналов состоит в научном исследовании экономической жизни и деловом обсуждении вопросов текущей экономической политики. Несмотря на нивелирующее влияние коммунистической редакции, все же каждый вопрос обсуждается с самых различных точек зрения, и даже по основным линиям хозяйственной политики Советской власти разрешается в научной форме и с некоторыми предосторожностями высказывать особое мнение. При внимательном и вдумчивом чтении русских журналов мы можем с большей или меньшей полнотой ориентироваться в воззрениях наших лучших русских экономистов, свободных от марксистской догматики, как на отдельные стороны русской хозяйственной жизни, так и на развитие народного хозяйства в целом *.

Было бы неправильно утверждать, что экономическая литература всегда замалчивает слабые стороны действующей экономической системы. Наоборот, от времени до времени пресса сосредоточивает свое внимание на том или другом больном вопросе хозяйственной жизни, и тогда та или другая язва советского хозяйства разворачивается довольно демонстративно.

Мы не можем, таким образом, пожаловаться на скудость материалов, освещающих экономическую жизнь современной России. По отдельным вопросам мы можем там найти правильные выводы и даже верные оценки. Но, разумеется, мы очень редко можем встретить в этой литературе открыто формулированную, общую концепцию русского народного хозяйства, существенно отступающую от официальной доктрины. И нам совершенно не приходится искать в печатающейся в России литературе, отступающей от официальной версии, откровенной оценки действующей системы.

Создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действующей системы есть обязанность, возложенная судьбою на нас, зарубежных экономистов. Только мы, свободные от тисков коммунистической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии.

Зарубежная экономическая литература имеет несомненные заслуги по исследованию экономической жизни современной России. Труды русских экономистов, печатающиеся частью на русском, частью на иностранных языках, немало содействовали дискредитированию той легковесной агитационной литературы, которой большевики и их покровители пытаются ввести в заблуждение общественное мнение культурного мира **. При этом зарубежные экономисты основывались, конечно, на тщательном изучении печатаемых в России материалов, ибо они не разделяли господствующего в зарубежной публицистике пренебрежительного к ним отношения.

---

* Впрочем, надо заметить, что последнее обострение коммунистической реакции не осталось без влияния на цензуру экономических журналов: Бюллетени Конъюнктурного Института были даже за «неблагонадежность» прекращены печатанием.

** Я считаю долгом отметить особенные заслуги по освещению экономический жизни Советской России экономического кабинета проф. С. Н Прокоповича (сначала в Берлине, теперь в Праге). Приходится очень жалеть о прекращении издававшихся им «Русских Экономических Сборников».

При наличии существенных успехов зарубежных экономистов по исследованию отдельных сторон русской экономической жизни, попыток дать общую концепцию развития русского пореволюционного хозяйства и в зарубежной литературе имеется еще не много. Успеху такого рода попыток препятствовал целый ряд причин как объективного, так и субъективного порядка.

Прежде всего не только до объявления нэпа, но и после его объявления русское народное хозяйство все еще пребывает в неустойчивом равновесии. Из года в год в нем происходят такие глубокие перемены, которые в другие эпохи потребовали бы десятилетий. В русском народном хозяйстве ничто еще прочно не обосновалось и не выкристаллизовалось. Политика Советской власти подвергается сильным колебаниям, а ее значение в экономической жизни очень велико. В таких условиях уловить общие доминирующие тенденции развития нелегко. То обстоятельство, что мы не находимся в непосредственном контакте с русской действительностью, создает для нас ряд дополнительных затруднений. Мы, во всяком случае, с большим запозданием воспринимаем весьма быстро идущее развитие.

Очень важным затруднением при познании русской действительности является и ее чрезвычайное своеобразие. О русском народном хозяйстве нельзя судить по шаблону западноевропейских капиталистических стран, на экономической литературе коих мы воспитаны. Этим мы ни в коем случае не хотели бы сказать, что, как это многие коммунисты себе воображают, для русского народного хозяйства никакие экономические законы не писаны. В хозяйстве народа, в какие бы формы оно ни было облечено, проявляются определенные закономерности; но необходимо признать, что в русской жизни экономические законы проявляются в чрезвычайно своеобразном сочетании. Задача и состоит в том, чтобы уловить своеобразие черт данной хозяйственной организации, не торопясь уложить таковую в схемы, построенные на основании совершенно другого материала.

Но как ни значительны те объективные затруднения, которые стоят перед нами при изучении русской действительности, все же следует признать, что те большие ошибки, которые при этом делаются в зарубежной литературе, обусловлены не в малой мере и субъективными моментами,— нашим отрицательным отношением к наличной организации власти. Между тем, как ни велико определяющее влияние политики господствующей партии на развитие хозяйственной жизни современной России, все же она в известной мере определяется также и элементарными устремлениями народных масс, и волей строящих это народное хозяйство групп, которые чужды коммунизму. Современное хозяйство России является не только советским, оно уже является русским народным хозяйством, ибо в его строительство вложились и русский крестьянин, и рабочий, и инженер, и хозяйственник. То обстоятельство, что большая часть населения России относится, несомненно, отрицательно к некоторым основным чертам организации современного хозяйства, не меняет дела. Ведь нельзя утверждать, что население России одобряло организацию народного хозяйства до революции. Будь это так, оно не развалилось бы столь стремительно. Будем поэтому для вящей объективности говорить больше о существующей системе хозяйства, чем о той власти, которая деспотически правит страной.

Объективное познание и верная оценка хозяйства современной России—дело безмерной важности для ее будущего. Мало того, эта задача даже приобрела мировое значение, ибо волею судьбы русская проблема стала мировой. Мы, русские зарубежные экономисты, имеем возможность свободно выражать свои мысли; тем больше мы обязаны напрячь наши силы для вполне объективного познания своеобразной системы хозяйства пореволюционной России. Нам все же легче, чем кому-либо другому, преодолеть стоящие на этом пути трудности.

II. Основные экономические формации в хозяйстве Советской России

Коммунистическая литература постоянно противопоставляет два основных сектора в русском народном хозяйстве: с одной стороны, обобществленный, или, как она его называет, «социалистический» и, с другой стороны, частнохозяйственный. К первому относятся как государственные, так и кооперативные предприятия.

Является ли такое объединение государственных и кооперативных предприятий под одну рубрику правильным? В условиях буржуазного государства мы, конечно, были бы вынуждены такое объединение с полной решительностью отвергнуть. Здесь государственные и кооперативные предприятия являются представителями двух различных экономических принципов. Однако в русских условиях против такого объединения возражать не приходится. Экономическое могущество государства здесь так велико, что кооперация находится в полной зависимости от него. Кроме того, как и все общественные организации в современной России, кооперация управляется коммунистической партией. Если в правлениях низовой сети кооперативов коммунисты не могут еще составить большинства, то в Правлении Союзов они обязательно составляют большинство совершенно независимо от политических настроений массы членов *. Таким образом, мы должны рассматривать кооперацию лишь как особую форму государственных предприятий.

В руках государства находится почти вся крупная промышленность, вся транспортная организация, вся кредитная система, значительная часть оптовой торговли и вся внешняя торговля. Роль кооперации является преобладающей в розничной торговле и значительной в оптовой; но ее роль в производстве ничтожна.

Так называемому социалистическому сектору противостоит частный. Если «социализм», выражаясь по-ленински, занимает ряд громадной важности «командных высот», то и частное хозяйство имеет в России свои «командные высоты». Важнейшей из них является сельское хозяйство. Все опыты обобществления сельского хозяйства путем совхозов или путем коммун оказались почти совершенно безрезультатными. И конечно, не приходится сомневаться в том, что и новый опыт, который производится в данный момент, закончится не менее плачевно. Кроме того, частное хозяйство является преобладающим в кустарной и ремесленной промышленности и удерживает кое-какие позиции в розничной, мелкой торговле.

Хотя абсолютный вес относящегося целиком к частному сектору сельского хозяйства в такой стране, как Россия, конечно, больше, чем промышленности, но необходимо принять во внимание, что только $^1/_6$ часть всей продукции сельского хозяйства поступает на внедеревенский рынок. Таким образом, основной массив русского сельского хозяйства является только натурально-хозяйственной пристройкой к народному хозяйству, оставаясь в довольно слабой связи с ним. По расчетам Госплана, в 1926—1927 г. около $^2/_3$ всей товарной массы происходили из так называемого социалистического сектора.

Несмотря на такое громадное развитие государственного хозяйства, некоторая часть зарубежной прессы продолжает настаивать на том, что капитализм одерживает в Советской России победу за победой, и что фактически весь так называемый советский социализм находится в плену капитализма. Защитники этой точки зрения претендуют даже на особенную проницательность: «нас, мол, большевики своим социализмом не проведут». Эта точка зрения отчасти и совпадает и с впечатлениями заезжих в Россию посетителей. Оказывется, что все в России, как у людей: здесь деньги — там деньги, здесь магазины — там магазины, здесь банки — там банки, здесь безработные — там безработные. Вот и вернувшийся из России Шульгин поведал: «Все то же самое, только немножко хуже».

Эта точка зрения нашла себе авторитетное подтверждение в трудах хорошего знатока русской хозяйственной жизни С. О. Загорского. Последний, едва ли не единственный, зарубежный экономист попытался дать обоснованную концепцию общего развития русского народного хозяйства под нэпом. Это им было сделано сначала в 1924 г. на французском языке в книге: «La renaissance du capitalisme dans la Russie des Soviets» и затем в 1927 г. на русском языке в книге: «К социализму или к капитализму?» Ответ г. Загорского на последний вопрос известен: Россия идет к капитализму. Но здесь важно не предсказание, а важно то, что г. Загорский уже нашел в Советской России все элементы капитализма. «В промежутке между двумя кризисами,— пишет Загорский,— под прикрытием «планового хозяйства» происходит усиление и ук-

* Так, например, хотя среди крестьян коммунисты встречаются очень редко, все же среди членов правлений низовой сети сельхозкооперации коммунисты составляли к 1 января 1927 г. 18,9%, а среди членов правлений союзов — уже 62,8%. (Эконом. Обозр., 1927, октябрь, с. 81).

репление частно-капиталистических форм хозяйства» (с. 287). «За последние пять лет вновь восстановлены все старые общественные классы, составляющие характерную черту и основу буржуазно-капиталистического строя» (с. 292). Словом, капитализм в России совсем готов — лопнет обманчивая оболочка советского социализма, и он как бабочка вылетит из куколки. Появившаяся зимой 1927 г. платформа оппозиции, говорившая о капиталистическом перерождении советского социализма, была подхвачена значительной частью зарубежной прессы как подтверждение приведенного взгляда. Несмотря на полное расхождение в устремлениях, значительная часть зарубежной прессы оказалась совершенно солидарной с крайними коммунистами, образовавшими оппозицию, в понимании русской действительности.

Мнение, что капиталистические отношения могут развиться под эгидой Советской власти, могло представляться в известной мере обоснованным в первые 2,5 года нэпа. Большевики были тогда сильно обескуражены голодной катастрофой. Они предоставили известные возможности частнохозяйственной стихии восстановить разрушенное народное хозяйство, и в последнем стали пробиваться некоторые ростки капитализма. Это было время, когда стал было утверждаться кое-какой гражданский правопорядок, и разговоры о «революционной законности» были в большой моде. Однако уже в марте 1922 г. Ленин провозгласил крылатый лозунг о «командных высотах» социализма. Большевики не проявили в 1922 г. ни в Генуе, ни в Гааге никакой уступчивости по отношению к европейскому капитализму. И, наконец, в конце 1923 г. наследники Ленина перешли в общее наступление против частного хозяйства и в особенности против его капиталистических элементов.

В 1924 г. можно было писать о возрождении капитализма в России лишь в предположении, что мы имеем дело с кратковременной коммунистической судорогой. Но к 1927 г. цветы капитализма уже давно облетели и его огни уже давно догорели, и говорить в 1927 г. о победе капитализма в России можно было, только игнорируя тот большой путь, который прошло русское народное хозяйство за трехлетие с 1924 по 1926 г.

Это трехлетие характеризуется: 1) процессом быстрого восстановления как сельского хозяйства, так в особенности крупной промышленности, 2) значительным развитием товарно-денежных отношений и 3) тем чрезвычайно важным фактором, что развитие товарно-денежных отношений было почти полностью использовано так называемыми социалистическими организациями, между тем как развитие капиталистических элементов было советской властью подавлено. Те же процессы продолжались еще в 1927 г.

Такому знатоку русской экономической жизни, каким является С. О. Загорский, эти факты, конечно, известны, и если он в 1927 г. решился говорить о победах капитализма в русском народном хозяйстве, то объясняется это тем, что понятие капитализма носит у него, как и в значительной части русской литературы, чрезвычайно расплывчатый характер. С. О. Загорский склонен всякое развитие товарно-денежных отношений записывать в счет капитализму. Это, конечно, неправильно. Только предпринимательское хозяйство, которое ведется для получения прибыли, заслуживает название капиталистического, но такого названия не заслуживает трудовое, семейное производство, хотя бы оно в большей или меньшей степени было вовлечено в меновые отношения. Только такое народное хозяйство, в котором капиталистические предприятия играют ведущую роль, заслуживает название капиталистического. В частности, для европейского капитализма, о котором в данном случае идет речь, характерно овладение со стороны капитала самим производством и в связи с этим его глубокое преобразование.

Конечно, развитие товарно-денежных отношений является необходимой предпосылкой для капитализма. Но это совсем не единственная предпосылка, которая ему нужна. Для успешного развития капитализма требуется еще ряд других условий и объективного, и субъективного порядка. В эпоху Средневековья, в мире Ислама, в Индии, в Китае товарно-денежные отношения получили большое развитие, но производство сохранило свой семейный, трудовой характер, и капитализма эти цивилизации не создали. Капитализм в настоящих его формах является специфическим достижением западноевропейской цивилизации, и только ее. И уже из Западной Европы он стал распространяться по всему миру, поскольку капитализму удавалось создать и в других странах необходимые ему общественные предпосылки.

И вот мы наблюдаем, что в России имел место стремительный рост товарно-денежных отношений, сопровождавшийся, однако, развитием некапиталистических организаций. Достаточно бегло обозреть развитие русского народного хозяйства под нэпом для того, чтобы убедиться в правильности сказанного.

Казалось бы, что торговля является настоящим доменом частника. Развитие капитализма обычно и начинается с того, что капитал овладевает оптовой торговлей и уже оттуда начинает внедряться в производство. И действительно, в первые годы нэпа частный капитал настолько овладел всеми позициями на рынке, что даже государственные предприятия сносились между собой не иначе, как через частного оптовика. Это время, однако, уже давно миновало, и Госплан считает, что уже в 1925—1926 гг. на долю частного капитала приходилось всего только 9,4% оптового оборота. Этот процент является, правда, приуменьшенным. Госплан основывается на данных Наркомфина. Последний, однако, не прослеживает, какое количество товаров доходит до розницы по «социалистическому» и по частному опту, он просто в целях обложения регистрирует все торговые сделки. Так как, однако, «социалистический» сектор сильно централизован, то каждый товар проходит там через большое количество звеньев, причем каждый такой переход регистрируется и облагается, между тем как частный капитал сводит число звеньев к минимуму. Благодаря этому относительные размеры оптовых оборотов «социалистических» организаций увеличиваются вне соответствия с количеством проводимых ими в розницу товаров. Кроме того, часть товаров тайно утекает из кооперации в частный опт, причем соответствующие сделки не регистрируются. Ю. Ларин считает, что в 1925—1926 гг., когда, по данным Наркомфина, частные оптовые сделки обнимали лишь 9,4% общей суммы сделок, в действительности через частный опт прошло 28% всех промышленных и 25% всех сельскохозяйственных товаров *. Ю. Ларин — самый злобный гонитель частного капитала в России (воистину цепной пес советского социализма), а потому он склонен несколько преувеличивать его значение в народном хозяйстве. Но если мы даже примем его цифры за точные, то окажется, что уже в 1925—1926 гг., то есть еще до последней коммунистической реакции, оптовый оборот на $^3/_4$ обходился без частного торговца.

За последние два года роль частного опта резко снизилась. По данным Госплана, в 1926—1927 гг. на частный опт приходилось уже только 5,2% всей суммы сделок вместо 9,4% в 1925—1926 гг. В 1927—1928 гг. частный опт был почти вытеснен из торговли сельскохозяйственными товарами, и сейчас, если он еще играет какую-нибудь роль, то лишь в обороте с некоторыми кустарными изделиями. Таким образом, оптовая торговля — этот исходный пункт всякого капиталистического развития — находится сейчас почти целиком в руках «социалистических» организаций.

Роль частника в рознице, конечно, значительнее. По данным Госплана, через частную розницу прошло в 1925—1926 гг. 38,8% всего оборота. Однако в сфере снабжения населения предметами широкого потребления роль частника была тогда еще значительной. По расчетам Ю. Ларина ** половина предметов массового потребления в городах и больше половины в деревне проходили через частника. В 1926—1927 гг., по данным Госплана, на частника приходилось 32% розничного оборота, а в 1927—1928 гг. — даже только 18%. Кооперация сейчас, несомненно, играет доминирующую роль в розничной торговле.

Если считать этот разгром розничной торговли явлением временным, то все же в тех жалких формах, в которых она после коммунистической реакции 1924 г. еще сохранилась (почти исключительно торговля вразнос и с лотков), ее ни в коем случае нельзя считать явлением капиталистического порядка. Так торговали и при царе Горохе. Кроме того, часть теперешних розничных торговцев вынуждена была превратиться в агентов госторгов и находится от них в полной зависимости.

Ничтожна и роль капитализма в промышленности. Уже в 1925—1926 гг. на част-

---

* Ларин Ю. Частный капитал в СССР. Госиздат, 1927, с. 181, 186. Это исследование, несмотря на его тенденциозность, чрезвычайно ценно для ознакомления с ролью частного капитала в современной России. Автор никогда не успокаивается на официальной цифре, а стремится проследить все ухищрения частного капитала и всю его борьбу против тех рогаток, которые ему ставит коммунистическая власть.

** Там же, с. 187—188.

ную промышленность, включая концессионную, приходилось всего лишь 4,2% всего производства цензовой промышленности. Концессии состоят из нескольких предприятий, разбросанных преимущественно на окраинах. Частная цензовая промышленность состоит из мелких предприятий на $^3/_4$ арендных, и уж поэтому совершенно зависимых от власти. В 1926—1927 гг. доля частной цензовой промышленности в производстве опустилась до 2,6%. В только что истекшем году лопнули две крупнейшие концессии — Молога Лес и Гарримана, и от цензовой частной промышленности почти ничего не осталось.

По данным Госплана, на кустарную промышленность приходилось в 1926—1927 гг. несколько больше 10% всего промышленного производства. Вследствие больших затруднений в пользовании наемным трудом, а в последнее время и вследствие затруднений с получением сырья, скупку коего тресты монополизируют, не уделяя его кустарям и ремесленникам, указанные виды мелкой промышленности стали регрессировать. Часть кустарной промышленности еще и теперь находится в некоторой зависимости от частного капитала. Однако усматривать в этом важную победу капитализма не приходится. Государство производит и всю нефть, и весь уголь, и все машины, и всю соль, и весь сахар, и все бумажные ткани и т. д., и т. д. Если кустари все еще готовят деревянные ложки, а ремесленники все еще шьют штаны, то, конечно, не этим определяется природа русского народного хозяйства.

Не завоевав себе прочных позиций ни в торговле, ни в промышленности, капитализм не мог себе создать в России независимой банковой организации, без которой сколько-нибудь значительное развитие капитализма, конечно, невозможно. Немногочисленные Общества Взаимного Кредита располагают лишь незначительными собственными средствами и находятся в полной зависимости от Госбанка. Впрочем, сейчас крупнейшие Общества Взаимного Кредита в столицах уже закрыты по обвинению в спекуляции, а их деятели, если не расстреляны, то размещены в Соловках или в Нарыме.

Итак, в городе нам приходится констатировать не победу капитализма, а, наоборот, гибель всех его ростков. И вот советская оппозиция, а с ней и некоторые зарубежные публицисты пытаются нас уверить, что капитализм одерживает блестящие победы совсем в деревне, то есть на почве, которая даже на Западе оказалась для него наименее подходящей. Представителем этого деревенского капитализма является, конечно, не кто иной, как «кулак»,— это старое пугало русской интеллигенции. До сих пор значительная часть русской интеллигенции убеждена в том, что стоит только крестьянскому хозяйству быть вовлеченным в обмен, как в среде крестьян начнет стремительно развиваться та самая дифференциация, о которой писал Маркс и которую Ленин будто бы еще в конце прошлого столетия нащупал в сельской России.

В действительности, однако, если под влиянием развития товарно-денежных отношений крестьянство и дифференцируется, то обычно совсем не в том смысле, как это себе представляют марксисты. В большинстве случаев от громадного основного ядра крестьянства, сохраняющего и приумножающего свои орудия производства, вовлекающего в обмен и специализирующего свое хозяйство, но удерживающего при этом его семейную и трудовую организацию, отщепляются более или менее значительные кадры, которые частью вольно, частью невольно забрасывают свое хозяйство. Эти раскрестьянивающиеся элементы, однако, в своей очень незначительной части ищут и находят приложение своему труду в сельском хозяйстве своих соседей. В своей массе они находят себе занятие вне сельского хозяйства, и если вынуждены искать занятие в сельском хозяйстве, то они уходят в экстенсивные районы. Такой характер носил процесс дифференциации крестьянства на значительно большей части территории дореволюционной России. Как признал и наиболее видный исследователь аграрного вопроса из марксистов, П. П. Маслов, только в степном районе были заметны некоторые явления дифференциации крестьянства марксистского типа. Только здесь крестьянское хозяйство принимало частью капиталистический характер не в том только смысле, что оно вовлекалось в обмен (это возможно и при сохранении его семейной и трудовой организации), а в том смысле, что оно принимало крупные размеры и стало основываться на регулярном пользовании наемным трудом. Впрочем, и в степях использовался труд преимущественно рабочих, пришлых с перенаселенного северного чернозема, а не местных крестьян.

Как же обстоит с дифференциацией крестьянства после революции? Последняя не

только разрушила помещичье хозяйство, но она уничтожила и крупно-крестьянское хозяйство. В эпоху последовательного коммунизма производить сверх того, что необходимо для удовлетворения в натуре своих собственных потребностей, не имело смысла. Наряду с этим вследствие потери промысловых доходов все, как местные, так и вернувшиеся из городов, судорожно схватились за плуг, ибо окромя того жить стало нечем. Процент несеющих дворов чрезвычайно сократился. Произошел всеобщий процесс нивелировки и натурализации крестьянских хозяйств.

С объявлением нэпа создались кое-какие возможности для дифференциации крестьянства. Но совершенно очевидно, что эти возможности теперь гораздо более ограничены, чем они были до революции. Прежде всего промысловые заработки хотя и восстанавливаются в довольно быстром темпе, но они еще далеко не восстановлены. В частности, отход на работу в степи совершенно утратил свое прежнее значение. Поэтому очень значительная часть беднейшего крестьянства вынуждена упорно держаться за тень своей хозяйственной самостоятельности, хотя за отсутствием собственного инвентаря ему приходится очень дорого платить за обработку своих полей инвентарем состоятельных крестьян. Затем как-никак землю поровняли и изъяли из оборота. Вненадельный земельный фонд исчез, а ведь на вненадельных купчих и арендных землях, главным образом, и строилось прежде крупно-крестьянское хозяйство. Затем уже с 1925—1926 гг. была введена резкая прогрессия в сельскохозяйственном налоге; теперешнее же налоговое законодательство дает возможность фининспекции экспроприировать в порядке так называемого индивидуального обложения любого состоятельного крестьянина, и, как известно, она этим правом в 1927—1928 гг. широко воспользовалась. Сейчас идет по всей России массовая распродажа скота,— делается это не потому, что он лишний, а потому, что состоятельные крестьяне хотят уменьшить свои единицы обложения. За то, что крестьянин обжился, ему грозят не только высокие подати, но ему грозит опасность быть объявленным «кулаком», то есть быть лишенным гражданских прав.

Все эти обстоятельства, конечно, сильно задерживают дифференциацию крестьянства, выделение из его среды зажиточного слоя. А. Хрящева, лучший знаток проблемы дифференциации крестьянства, не перестает указывать, что крестьянство в настоящее время более нивелировано, чем до войны. Поскольку коммунисты серьезно исследуют этот вопрос, они приходят к тем же выводам. По статистическим данным от 1924—1925 и 1925—1926 гг. *, дворы, которые регулярно пользовались наемным трудом, составляли 2% их общего количества, на их долю приходилось 10—11% всей облагаемой земли, 10—11% всего посева, 7,5% рабочего скота, 5,5% рогатого скота, 9% валовой продукции и 14% всерыночной продукции. Необходимо заметить, что и эти так называемые «кулацкие» дворы в своей массе являются трудовыми. Таким образом, утверждение, которое можно очень часто встретить на столбцах зарубежной прессы, что снабжение рынка будто бы лежит в руках небольшого слоя «кулаков», не соответствует действительности. Последнее тщательное исследование А. Гайстера ** еще раз доказало подавляющее значение середняка в русском сельском хозяйстве. Конечно, положение значительной части крестьянства, не располагающего инвентарем, остается жалким. Но поскольку известная часть крестьянства забрасывает свое собственное хозяйство, она и теперь находит себе занятие гораздо чаще в промыслах, чем у своих соседей ***.

---

* Ларин Ю. Частный капитал в СССР, с. 74—75.

** Гайстер А. Классовое расслоение советской деревни. М., 1928.

*** См. Ларин Ю. Аграрное перенаселение СССР к десятилетию Октября и его судьбы. Эконом. Обозр., 1927, октябрь. С. О. Загорский (с. 187—192) приходит к преувеличенным представлениям о дифференциации крестьянства потому, что он для ее выяснения пользуется неправильным методом классификации материалов во всероссийском (или хотя бы всеукраинском) масштабе, при котором на социальную дифференциацию крестьянства накладывается его территориальная дифференциация. Если бы даже в пределах каждой территории все крестьянские хозяйства были выстрижены в социальном отношении строго под гребенку, то и тогда при классификации во всероссийском масштабе получилась бы порядочная дифференциация, ибо в направлении к северу посевы мельчают (при повышении урожаев), а к югу посевы увеличиваются (при понижении средних урожаев). Но это дифференциация не социальная, а географическая.

Правящая партия, конечно, хорошо осведомлена по вопросу о дифференциации крестьянства. Однако от времени до времени во всей коммунистической прессе поднимается крик, что «кулак» завладел всем русским сельским хозяйством, что он занял командующее положение на рынке и что он норовит схватить Советскую власть за горло. Это бывает всегда в те моменты, когда крестьянин не хочет подчиниться плановому регулированию, когда он отказывается задешево отдать свой продукт и не желает довольствоваться получением за свои продукты советских бумажных денег вместо реальных товаров. Под крики о «кулацком засилье» не мытьем, так катаньем выжимаются у крестьянства нужные «социалистическому» сектору продукты и сырье. Этим крикам нельзя, конечно, придавать значения объективной оценки положения.

Истина же заключается в том, что никогда еще — ни до освобождения крестьян, ни после их освобождения, ни до Столыпинской реформы, ни после нее — русское крестьянство не было так сильно нивелировано, как сейчас. Но радоваться этому не приходится, ибо то аграрное перенаселение, от которого сейчас задыхается русская деревня, стоит в непосредственной связи с этой крайней нивелировкой крестьянства.

Ростки капитализма, появившиеся в первые годы нэпа, не развились. Они и не могли развиться, ибо капитализм совсем не есть бурьян, который растет в каждом грязном углу. Это очень сложная и нежная организация, и необходимой ее предпосылкой является правовое государство. Только западноевропейская цивилизация создала правовое государство, и потому только в ее рамках мог развиться капитализм. Но последний не имеет почвы под диктатурой коммунистической партии, как он не имел почвы под режимом турецких султанов. Пришел момент, власть выполола все ростки капитализма — «своя рука владыка!».

«Кто кого?» — этот вопрос Ленин поставил в начале нэпа. Победят ли «социалистические» элементы ростки капитализма или последние одолеют «социализм»? Сохранив незыблемой диктатуру пролетариата, Ленин предрешил ответ. Решение вопроса пришло, может быть, скорее, чем Ленин себе это представлял и считал целесообразным.

Таким образом, советский социализм противостоит совсем не какому-то могущественному капитализму, держащему будто бы его в своих тисках, а необозримому морю трудовых крестьянских, отчасти и кустарных хозяйств, лишь очень слабо переплетенных узами мелкой частной торговли.

Но, по всей вероятности, теоретики капиталистического развития большевистской России не будут считать вопрос этим решенным. Они, наверно, скажут, что тот сектор народного хозяйства, который коммунисты именуют социалистическим, этого имени совершенно не заслуживает. В действительности же соответствующие организации являются «государственно-капиталистическими».

Понятие «государственного капитализма» достаточно неопределенное и едва ли, применяя этот термин, мы вводим ясность в вопрос. Но оно удобно,— все-таки какой-то капитализм, а не социализм.

Слово «государственный капитализм» приобрело популярность в Германии во время войны. Страна находилась в положении осажденной крепости, и государство, не преследуя при этом никаких социально-реформаторских целей, вынуждено было строго регламентировать промышленность и во многих отношениях поставить ее в зависимое от себя положение. Это была преходящая организация, созданная для специфических потребностей военного времени, и à la longue не состоятельная. Кончилась война, и от немецкого военного капитализма, можно сказать, ничего не осталось.

И история происхождения государственного капитализма и самый термин показывают, что под него можно подвести лишь такое экономическое образование, которое в большей или меньшей мере руководится интересами частного капитала. Но можно ли найти этот элемент в так называемых социалистических предприятиях современной России?

Очень часто приходится слышать, что раз так называемые социалистические предприятия облечены в товарно-денежные формы, то это и значит, что они являются капиталистическими. Но так рассуждать, значит, скользить по поверхности явлений, не вникая в их существо. И кооперативные предприятия облечены в буржуазном обществе в товарно-денежные формы и нередко (напр., б. Московский Народный Банк) принимают даже форму акционерных предприятий. И тем не менее велико ли или мало

значение кооперации в буржуазном обществе, она является в нем представителем особого экономического принципа, отличного от капиталистического, и приятием товарно-капиталистических форм она нисколько не изменяет своему назначению.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, обратимся к рассмотрению организации промышленных трестов как самых важных предприятий советского социализма. В пользу того, что мы в трестах имеем предприятия капиталистического порядка, можно было бы привести некоторые данные об их правовой организации, как они формулированы в законе от 10 апреля 1923 г. Согласно этому закону задачей треста является получение прибыли. Трест является юридическим лицом. Государство выделяет ему капиталы и не отвечает по его обязательствам. Трест сам отвечает по ним, но не своим основным капиталом, а лишь оборотным.

Однако и в буржуазном обществе нельзя о природе экономических образований судить по регулирующим их законодательным актам. В наименьшей степени это допустимо в революционные эпохи, когда все находится в период становления. Мы знаем, какое ничтожное значение имеет в жизни едва ли не большая часть большевистских декретов.

Закон 10 апреля 1923 года показывает, что Советская власть желала бы, чтобы государственные предприятия усвоили себе все формы капиталистических. Но так как в этих предприятиях все же нет частного капиталистического интереса, то они остаются по своей природе глубоко отличными от капиталистических, и это отражается на всей их жизнедеятельности.

Так как в советских трестах нет частной имущественной ответственности, то все попытки их превращения в юридические лица, отвечающие по своим обязательствам, должны были остаться безрезультатными. Фактически вся имущественная ответственность за деятельность трестов перекладывается на плечи все того же государства, и фактически все рассматривают трест как государственное предприятие. Ни другое государственное предприятие, ни казна, ни тем менее (вероятно, опечатка, по смыслу — более.— *Ред.*) частное лицо не станет накладывать арест на имущество какого-нибудь Сахаротреста, который весьма неаккуратно платит по своим обязательствам *. На отсутствие вексельной дисциплины в Советской России жалуются и будут жаловаться, ибо капиталистический вексель есть вексель, а «социалистический» вексель не есть вексель, если он даже написан на той же вексельной бумаге и в той же форме. И заграничный капитал, если он оказывает кредит, то не тресту, как бы колоссально ни было его имущество, а стоящему за спиной треста русскому государству.

Но там, где нет личной имущественной ответственности, там не может быть и полномочий. Директор акционерного общества является пленипотентом акционеров, а директор советского треста является всегда государственным чиновником с весьма ограниченными правами. Вопрос, который директор капиталистического предприятия решает самолично в несколько минут, должен пройти в советском тресте через ряд инстанций. Что для предприятий, вынужденных ориентироваться в изменчивых условиях рыночных конъюнктур, такая бюрократическая организация является неподходящей, в этом не приходится сомневаться. Там, где нет имущественной ответственности, нужен контроль и контроль. Таким образом, время лиц, стоящих во главе трестов, уходит не столько на производственную работу, сколько на участие в заседаниях бесчисленных коллегий, на собирание оправдательных документов, на составление бесчисленных отчетов, на дачу обширных статистических справок, на отчитывание перед бесчисленными ревизионными комиссиями и т. д., и т. д. О давящем бюрократизме в хозяйственных организациях не перестают жаловаться, для устранения его предпринимались бесчисленные реформы, но решительно никаких улучшений в этом отношении не заметно. Зарубежная пресса эти неудачи приписывает бездарности большевиков. Мы считаем это объяснение несостоятельным — бюрократизм связан с основами самой хозяйственной системы.

Тресты должны стремиться к получению прибыли. Но цель эта достигается особыми способами, которые для капиталистического мира, основанного на конкуренции,

---

* Впрочем, помнится, Наркомфин наложил как-то арест на большую партию сахара этого треста. Но на это происшествие все посмотрели не иначе, как на комическое происшествие.

нетипичны. Трестам обеспечивается прибыль путем абсолютной монополии. Они продают свои товары через синдикаты, огражденные и от внутренней, и от внешней конкуренции.

С этой монопольной организацией стоит в связи и тот факт, что тресты во всех важнейших вопросах подчиняются директивам коммунистического государства. В условиях абсолютной монополии было бы совершенно невозможно предоставлять трестам свободно определять продажные цены изделий,— они получают и должны получать на этот предмет директивы от государства. Точно так же последнее решает темп расширения производства и размеры капитальных затрат. Что не положение рынка труда определяет собою вознаграждение рабочих,— об этом не приходится распространяться. И здесь государственные директивы имеют, конечно, решающее значение.

Наконец, в чем с особенной разительностью выражается противоположность советских экономических организаций капиталистическим, так это в том, что хозяйственный принцип о достижении наибольших результатов при наименьших затратах не вытекает из их природы. Слышал ли когда-нибудь читатель, чтобы государство или общество понукало капиталистов к экономии в расходах? Уже в этом-то отношении капиталисты всякого научат,— да это чуть ли не главное их занятие. Если государство и вмешивается во внутренние распорядки производства, то лишь затем, чтобы указать капиталистам, что экономия экономией, а с интересами трудящихся в производстве надо считаться. Наоборот, коммунистическое государство только и занимается тем, что обучает руководителей своих предприятий экономии в расходах. Кампании экономии не прекращаются. И это совершенно понятно. Директор треста может еще интересоваться тем, чтобы производство шло без перебоев, в лучшем случае он даже будет интересоваться и качеством товаров, но экономия расходов его не может интересовать. Директор — служащий определенного ранга, и размеры прибыли для него безразличны. Наконец, будет прибыль,— правительство прикажет понизить продажные цены, и она сократится. А между тем экономия — это дело скучное, мелочное и неприятное. К этому директора приходится понуждать. Но, конечно, то, что не вытекает из существа данной экономической организации, не может быть в нее привнесено извне, и потому коммунистическая пресса всегда переполнена примерами вопиющей бесхозяйственности советских предприятий. И опять-таки было бы очень поверхностно объяснять все это пресловутой «бездарностью» большевиков. Дело не в людях, а в системе.

Мы можем считать вопрос выясненным. Так называемые социалистические предприятия, несмотря на их облечение в капиталистические формы, по своей внутренней природе имеют очень мало общего с капитализмом. Заслуживают ли они названия социалистических,— этого вопроса мы здесь не будем касаться. Во всяком случае, они являются предприятиями sui generis.

III. Природа хозяйства Советской России

В Советской России важнейшие элементы народного хозяйства находятся во власти государства и противостоят, как мы уже выяснили, необозримому морю мелких, трудовых, семейных хозяйств, не спаянных крепкими узами капитализма, а едва-едва переплетенных слабыми нитями недостаточно развитой частной розничной торговли. Какой же сектор народного хозяйства, «социалистический» или частный, играет в нем руководящую роль? Ответ на этот вопрос совершенно очевиден. Конечно, в развитии миллионов крестьянских хозяйств действуют некоторые внутренние силы, они имеют свои закономерные тенденции, которые преодолеть крайне трудно или даже прямо невозможно. Но все рычаги народного хозяйства находятся все-таки в руках государства. Через подчиненные ему громадные организации последнее получает возможность руководить народным хозяйством, и совершенно разрозненное частное хозяйство может лишь оказывать этому руководству пассивное сопротивление.

В связи с этим ни в одном государстве плановое начало в народном хозяйстве не получило такого большого значения, как в Советской России. Здесь «плановое хозяйство» не только реально существует, но без него самого функционирования русского народного хозяйства даже невозможно себе представить. Буржуазное хозяйство может благополучно функционировать и процветать и без всякого плана, ибо в нем действуют автоматические силы, которые плохо или хорошо регулируют его жизнь. Эти

силы заложены в самых принципах буржуазного хозяйства, основанного на личной инициативе граждан и на индивидуальном накоплении богатств. В русском народном хозяйстве автоматические регуляторы народного хозяйства намеренно погашены и именно поэтому вне плана его и мыслить нельзя. При этом могущество объединенного «социалистического» сектора таково, что намечаемые планы в известной части обязательно будут выполнены, ибо к тому имеются все возможности.

Возьмем процесс накопления капиталов и их производительного использования. В буржуазных государствах накопление капитала совершается в порядке индивидуальных сбережений. Поскольку сбережения не используются в мелком производстве, они в своих главных массах поступают в банки. Последние же распределяют их по крупным централизованным предприятиям в зависимости от надежности их и рентабельности. Там, где собственные сбережения недостаточны, происходит спонтанный прилив иностранного капитала, по собственному усмотрению финансирующего те или другие предприятия или вновь создающие таковые.

Нетрудно видеть, что весь этот механизм, с помощью которого создается и используется капитал в буржуазном обществе, в России разрушен. Впечатления социальной революции ослабили у населения веру в неприкосновенность собственности, а следовательно, и интерес к сбережениям. Не изгладившаяся еще из памяти инфляция пошатнула веру в прочность денежной системы. Наконец, сильная нивелировка доходов затрудняет накопление сбережений, ибо таковые производятся преимущественно состоятельными классами, которым накоплять капитал особенно легко. Поскольку крестьянство все же производит сбережения, оно стремится их использовать исключительно только в собственном хозяйстве. Таким образом, народные сбережения не могут притечь в советские банки. Остается таким образом «в плановом порядке» через налоги принудительно изъять известную часть народного дохода. И действительно, бюджет является теперь в Советской России важнейшим источником финансирования народного хозяйства, конечно, исключительно его социалистического сектора. В связи с этим современный бюджет поглощает непомерно большую часть народного дохода.

Но и распределение капиталов не может сейчас совершаться автоматически. Все предприятия «социалистического» сектора одинаково надежны. Их доходность также вещь весьма условная. При наличии абсолютной монополии доходность предприятий зависит главным образом от регулируемых правительством отпускных цен. Таким образом, и финансирование «социалистических» организаций может совершаться только исходя из априорно построенного плана. Поскольку бюджет является реальным (а в последние годы доходы более или менее соответствуют росписи), каждая отрасль хозяйства получит причитающиеся ей кредиты, и если в Тмутаракани решено строить большой завод, то он будет строиться. В условиях монополии внешней торговли и прилив капитала извне может происходить только в плановом порядке — в порядке допущенных государственных концессий.

Точно так же ввоз и вывоз в условиях монополии внешней торговли не является результатом спонтанного развития частных сделок, а определяется планом, имеющим решающее значение для всего народного хозяйства. Конечно, размеры ввоза зависят от размеров вывоза, а в этом отношении Советская власть совсем не является хозяином положения. Но, во всяком случае, состав ввоза строго предопределен.

Советская власть стремится также влиять и на цены продаваемых промышленных изделий, и на цены закупаемых сельскохозяйственных продуктов. Здесь, однако, она сталкивается с рыночной стихией, и многие планы ее не осуществляются. Но все же многие планы осуществляются. Сахаротрест заранее определяет, сколько его заводы платят за свеклу, и крестьянин без остатка сдает свеклу именно по этой цене, ибо деваться ему со своей свеклой некуда. Во многих случаях давлением податей Советская власть вынуждает крестьянина продавать свои продукты. Однако последний может маневрировать, продавая тот или другой продукт, в зависимости от высоты цен на них. Многие продукты могут быть или проданы, или использованы в хозяйстве. Противодействие крестьянской стихии разбивает многие планы Советской власти. Наконец, многие планы не осуществляются потому, что они неправильно составлены. В этом нет ничего удивительного, ибо плановое хозяйство есть совершенно новое дело.

Но при всех этих оговорках нельзя не признать, что плановое хозяйство является

в Советской России реальностью. Если же значительная часть зарубежной прессы отрицает этот совершенно очевидный факт, и даже самое выражение, плановое хозяйство, заключает в иронические кавычки, то это объясняется особым отношением большей части русской интеллигенции к идее планового хозяйства. Русская интеллигенция относилась всегда с величайшей подозрительностью к частной инициативе в сфере хозяйства. Она не верила в автоматические регуляторы хозяйственной жизни. Ее идеалом издавна являлось плановое, руководимое государством хозяйство. Признать, что после долгого блуждания в хаосе большевики приблизились к осуществлению планового хозяйства, русской интеллигенции нелегко.

Однако указанную высокую оценку «планового хозяйства» совсем нельзя считать научно обоснованной. В действительности разрушение стихийных регуляторов экономической жизни является делом очень опасным. Если общество не есть организм, то все же стихийно слагающиеся в его хозяйстве институты суть явления органического порядка. В них заключается бездна целесообразности, которую даже и осознать нелегко, а тем более заменить от разума конструированным механизмом. Общее разрушение в революционном порядке автоматических регуляторов экономической жизни таит в себе величайшие бедствия, в этом и лежит причина тех совершенно исключительных катастроф, жертвой которых Россия стала со времени войны.

И опасность заключается не только в том, что автоматические регуляторы народного хозяйства могут быть разрушены, а планы, как это так часто бывает, останутся на бумаге. Не менее опасные последствия имеет очень часто и осуществление планов. Задумали большевики план электрификации страны. Нельзя сказать, чтобы план не осуществлялся. Дело, конечно, идет гораздо медленнее, чем это предполагалось, и обходится оно стране гораздо дороже, чем себе это представляли. Но многое в этой области уже сделано, и многое делается. Затеяли большевики добиться автаркии от капиталистического окружения, и вот строятся фабрики для производства ткацких станков, которые Россия всегда приобретала в Англии, строятся фабрики для производства тракторов, автомобилей, которые без планового хозяйства, конечно, гораздо дешевле было бы скупить в Америке. Большевики в последние два года сделали, несомненно, очень большие успехи в деле регулирования цен и в торговле промышленными, и в торговле сельскохозяйственными продуктами. Успехи планового хозяйства несомненны. И именно в этих его успехах, как мы увидим, и лежат причины того, что русское народное хозяйство опять начинает разваливаться и погружаться в хаос. Осуществить планы еще можно, но учесть все неисчислимые и подчас роковые последствия осуществляемых планов крайне трудно. Это еще тем более трудно, что в условиях «планового хозяйства» происходит переплетение экономики и политики. Планы не диктуются и не могут диктоваться чисто экономическими соображениями, они диктуются политическими интересами. И поэтому планы слишком часто и слишком грубо нарушают самочинное развитие экономической жизни к величайшему вреду для народного хозяйства. А в революционные эпохи, когда правительство находится во власти фанатизированных групп, «плановое хозяйство» представляет сугубую опасность. Не «организованный разум», а «организованное безумие» находит себе тогда отражение в планах.

И если принципиальные защитники идеи «планового хозяйства» нам будут доказывать, что вредные последствия большевистских планов проистекают от их пресловутой бездарности, то мы с этим ни в коем случае согласиться не можем. Не одни большевики строят теперешнее плановое хозяйство, им помогает вся русская интеллигенция. И работает она вообще bona fide, ибо, во-первых, ведь никакого другого народного хозяйства, кроме этого, так называемого, советского, не существует; но она это делает bona fide, потому что и она хотя уже частично разочаровалась, но еще не совсем преодолела своей веры в плановое хозяйство, как не преодолела ее интеллигенция за рубежом. И интеллигенция эта стремится bona fide как-нибудь согласовать требования коммунистической власти с дорогими ей интересами хозяйства. И мы решительно не имеем основания верить, что зарубежные критики большевиков сумели бы построить плановое хозяйство лучше, чем они. Во время войны и при Временном Правительстве все лучшие элементы русского общества с величайшим напряжением сил взялись за строительство планового хозяйства. Результаты этого строительства хорошо известны.

Мы даже позволяем себе думать, что если у кого имеется некоторый опыт в деле строительства планового хозяйства, так это все-таки у советского правительства и ни у кого другого.

Всякое народное хозяйство характеризуется теми его элементами, которые играют в нем руководящую роль. Если мы говорим о Германии как о капиталистической стране, то мы этим совсем не хотим сказать, что капиталистическая форма хозяйства стала господствующей во всех отраслях народного хозяйства. Этого сейчас в Германии нет. Мелкое и даже трудовое хозяйство имеет еще большое распространение и в промышленности, и в торговле, и в особенности в сельском хозяйстве. В высокоиндустриализованной Западной Германии, там, где находится один из величайших мировых центров тяжелой индустрии, где сосредоточены колоссы химической индустрии, обслуживающие весь мир,— в этой самой стране сельское хозяйство с упорством сохраняет свою трудовую и семейную организацию. И тем не менее мы на достаточном основании именуем народное хозяйство Германии капиталистическим, ибо, конечно, капиталистические элементы играют в нем руководящую роль. Но те же соображения верны и применительно к России. Правда, относительный вес так называемого социалистического сектора в русском народном хозяйстве меньше, чем капиталистического сектора в германском. Но зато русский «социалистический» сектор представляет организованное единство, чего, конечно, нельзя сказать про германский капитализм, и в то же время частнохозяйственный сектор намеренно удерживается в России в совершенно неорганизованном состоянии, между тем как в Германии государство не только не препятствует, но даже, наоборот, всячески содействует организации распыленного мелкого хозяйства. Вот эти обстоятельства чрезвычайно увеличивают значение «социалистического» сектора в России *.

Попытаемся теперь проследить процесс частичного восстановления русского народного хозяйства при нэпе и развития нового его кризиса и уяснить себе движущие силы этих процессов.

(Окончание следует)

---

* Сами коммунисты настаивают на наличии социалистических элементов в русском народном хозяйстве, но все народное хозяйство в целом они именуют лишь «переходным к социализму». Эту скромность коммунистов надлежит признать политически весьма благоразумной. Даже самый наивный и восторженный иностранец, побывав в России, не может не заметить, что благорастворения воздухов и изобилия благ земных, ожидаемых от социализма, там как будто пока еще не замечаются. Приходится, таким образом, обнадеживать всех, что это еще только цветики социализма, а ягодки будут впереди.

Только немногие теоретики из коммунистического лагеря, как, например, Преображенский, уже теперь решаются признать русское народное хозяйство социалистическим. Но для нас интересно отметить, что такой выдающийся беспартийный теоретик и глубокий знаток русского народного хозяйства, как проф. Юровский, определяет существующую в России систему народного хозяйства как «товарно-социалистическую». Юровский счел необходимым прибавить термин «товарно» ввиду того, что у коммунистов проявляется тенденция не считаться в своей планирующей деятельности с законами рыночного равновесия, что обычно приводит к дезорганизации рынка. Так как мы не мыслим себе возможности развитого, не товарного народного хозяйства, то нам эта прибавка представляется излишней.

Вопросы экономики

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1929 г.

ОКТЯБРЬ 1991

10

УЧРЕДИТЕЛИ:
Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы экономики»,
Институт экономики АН СССР.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

Б. БРУЦКУС

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ, ЕГО ПРИРОДА И ЕГО СУДЬБЫ *

IV. Процессы восстановления русского народного хозяйства при нэпе

Что в условиях нэпа имело место частичное восстановление русского народного хозяйства, есть факт, не подлежащий никакому сомнению. Процесс не мог в первый год нэпа выявиться вследствие неурожая 1921 г. Но когда осенью 1922 г. голод был преодолен, народное хозяйство стало оживать. В течение четырех лет — 1922/23 г. по 1925/26 г.— темп подъема народного хозяйства был довольно быстрый. В 1926/27 г. он уже замедлился, а в только что истекшем 1927/28 г. наряду с некоторыми прогрессивными стали намечаться опасные регрессивные явления.

Подъем имел место как в социалистическом секторе народного хозяйства, так и в крестьянском хозяйстве.

Наиболее значительные успехи сделала крупная промышленность. К началу нэпа ее *производительность опустилась примерно до* 1/6 *части довоенных размеров.* В 1926/27 г. она, согласно вычислениям советской статистики, примерно достигла довоенных размеров, а в истекшем 1927/28 г. ее производство удалось повысить на 20% с лишком.

При оценке сравнений современных данных с данными довоенного времени надо иметь в виду, что вполне сравнимые цифры имеются только по тем отраслям цензовой промышленности, которые и до войны были столь же концентрированы в крупных предприятиях, как и теперь. По другим отраслям промышленности довоенные данные менее полны, а потому, в общем, получается картина, слишком благоприятная для современной России. Кроме того, общепризнано, что современные изделия по своему качеству ниже довоенных, что тоже существенно обесценивает указанные достижения. Сказанное, однако, нисколько не умаляет значения приведенных данных для оценки *динамики* промышленного развития под нэпом. Довоенная производительность сильно превзойдена по сельскохозяйственным машинам, по нефти, по углю. Созданы новые отрасли электротехники. Зато по тяжелым металлам имеется сильное отставание от довоенной производительности.

Для оценки соответствия между потребностями населения в продуктах крупной промышленности и их производством надлежит принять во внимание, что внутренняя Россия до войны примерно на 20% снабжалась продуктами крупного промышленного производства из Царства Польского и Прибалтики, а также что с 1913 г. до 1926 г. население на настоящей территории России увеличилось с 138 млн. до 147 млн., т. е. на 6½%. Из сказанного очевидно, что, даже не считаясь со значительным сокращением кустарной промышленности, население России обслуживается в настоящее время промышленной продукцией гораздо более скудно, чем до войны.

Важным достижением промышленности является тот факт, что проедание промышленного капитала в последние годы приостановилось. Наоборот, он в последние

---

* Окончание. Начало см. в № 9 за 1991 г.

годы даже приумножался. До 1923/24 г. включительно амортизационные работы были незначительны. Использовались пока лучшие фабрики, куда сносилось оборудование из других фабрик. Все средства, притекавшие в промышленность, шли на умножение оборотного капитала для того, чтобы пустить в дело побольше фабрик и выбросить на рынок побольше товаров. В 1924/25 г. в этом отношении наступил перелом: в цензовую промышленность было вложено 410,3 млн. руб., что считалось примерно соответствующим текущему износу. В 1925/26 г. было вложено 871,7 млн. руб., в 1926/27 г.— 1095 млн., а в истекшем 1927/28 г.— даже 1316 млн. руб. Эти значительные инвестиции обусловлены отчасти тем, что еще с начала войны в течение 10 лет амортизационные работы производились в ничтожных размерах. Оборудование чрезвычайно износилось. По расчетам Рухимовича, сделанным по поручению ВСНХ, первоначальная стоимость основного капитала промышленности определяется в 8,2 млрд. червонных рублей, а к 1 октября 1925 г. из него осталось не более 5,1 млрд., то есть износ достигал 38%. В последние годы большие амортизационные работы должны были прежде всего служить для покрытия этого запущенного износа. Немалая часть капитальных затрат уходит на жилищное строительство для рабочих, и только меньшая идет на новое строительство и на рационализацию производства. Наряду с капитальными работами в промышленности за период с 1922/23 г. по 1927/28 г. было затрачено 716 млн. руб. на электрификацию страны.

Государственная промышленность по советским источникам д о х о д н а. Для 1925/26 г. прибыль ее за вычетом убытков была исчислена в размере 450 млн. черв. руб., в 1926/27 г.— в размере 650 млн. руб. При вычислении прибылей в капиталистических предприятиях имеется много условного. Имеются, конечно, условности и при вычислении социалистических прибылей, а потому по каждому тресту обычно появляется по нескольку вариантов прибыли. Тем не менее в том, что социалистическая промышленность, в общем, сейчас дает некоторый доход, нет оснований сомневаться.

Last not least остается отметить, что со времени объявления нэпа до 1926/27 г. включительно происходил почти непрерывный рост заработной платы и в ее номинальном, и в ее реальном выражении. Накануне нэпа реальная заработная плата не составляла на $^1/_4$ довоенной, а в 1926/27 г. она уже превзошла на 5—10% *. Но, кроме того, накладные расходы, преимущественно на страхование и в виде некоторых льгот в натуре, достигают $^1/_3$ заработной платы, между тем как до войны они были очень невелики. И все это при условии, когда число рабочих часов в году сократилось на 25% **. В 1927/28 г. номинальная заработная плата рабочих опять возросла на 11%. Однако ввиду продовольственных затруднений подъем реальной заработной платы, по-видимому, уже не имел места.

Оправдан ли означенный подъем заработной платы поднятием производительности труда? В известной мере оправдан. За весь период нэпа шел, лишь с короткими перерывами, подъем производительности труда рабочих. Он был обусловлен частью объективными моментами — всевозрастающей загрузкой фабрик, а в последнее время отчасти и рационализацией производства. Но подъем производительности труда был обусловлен также и увеличением интенсивности труда. Для этой цели большевики не остановились перед мерой, которая социалистическими партиями обычно осуждается,— они широко развили сдельную работу. В то время как до войны в крупной промышленности работали сдельно меньше половины рабочих (около 45%), в 1926/27 г. сдельно работали больше 60% всех рабочих ***. Не без связи с увеличением интенсивности труда

* При ближайшем рассмотрении оказывается, что сравнительно высокую заработную плату получают рабочие в столицах и в других крупных центрах; рабочие же в провинции, в особенности не порывающие еще связей с деревней, как, например, горнорабочие Донбасса, вознаграждались еще в 1926—1927 гг. хуже, чем до войны.

** Значение сверхурочной работы незначительно (в 1926—1927 г. на нее приходилось всего 2% рабочего времени) и имеет тенденцию к сокращению (см. Бюлл. Конъюнкт. Инст. № 11—12, 1927 г. стр. 90).

*** С. О. Загорский шлет большевикам много упреков за то, что они побуждают рабочих повысить интенсивность своего труда. Нам, однако, совершенно невозможно себе представить, каким образом было бы возможно при столь значительном сокращении рабочего времени превысить заработную плату довоенного времени, не требуя от рабочих интенсивного труда. Нам придется в дальнейшем критически разобрать и оценить все указанные достижения советского хозяйства, но мы здесь же заметим, что

стоит угрожающий рост несчастных случаев в промышленности; это явление связано, однако, в большей мере с сильной изношенностью оборудования, а в последнее время и с усилением пьянства.

Интенсивность работы возросла, но далеко не в такой мере, чтобы компенсировать сокращение рабочего времени. Поэтому доля заработной платы в цене продукта по сравнению с довоенным временем повысилась и даже имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Высокие расходы на заработную плату являются одним из важных факторов повышения стоимости производства промышленных изделий. Все, что делается для повышения производительности труда в последние годы,— все это поглощается почти без остатка повышением заработной платы и не получает выражения в уменьшении цены изделий.

Повышение номинала рабочей платы не отразилоь бы в достаточной мере на реальной заработной плате, ибо повело бы к общему росту уровня цен. И вот одна из главных забот правительства, мотивирующего эту свою деятельность необходимостью *поддержать покупательную силу червонца*, состоит в том, чтобы путем давления на цены сельскохозяйственных продуктов обеспечить рабочих дешевыми пищевыми продуктами, другими словами, реальная заработная плата рабочих повышается за счет понижения доходов крестьянства. Но, кроме того, квартирная плата рабочих так низка, что она не окупает ремонта жилищ, т. е. рабочим предоставляется пока проедать жилищный капитал. Только такими приемами удалось в 1926/27 г. поднять реальную заработную плату рабочих несколько выше ее довоенного уровня.

Нам придется еще вернуться к оценке указанных достижений. Но, во всяком случае, из сказанного очевидно, что так или иначе, но русская промышленность не стоит, как это было в эпоху чистого коммунизма,— она ожила. Новая система промышленной организации не сравнима с системой периода «интегрального социализма». Русский рабочий теперь трудится в поте лица, и инженер уже тоже не сидит писарем в продкоме, а вернулся к своему делу. Стало быть, кое-какие возможности для работы были созданы и для него, ибо без этого восстановление промышленности, конечно, не имело бы места.

Со всеми остальными социализированными отраслями народного хозяйства обстоит гораздо хуже, чем с промышленностью. Производительность железных дорог по количеству перевезенных грузов достигла в 1926/27 г. довоенной нормы, а по пробегу грузов даже ее превысила, и перевозки возросли и в минувшем 1927/28 г. еще на 12—13%. Но до войны железные дороги являлись одним из важнейших центров аккумуляции капитала: так, в 1913 г. чистая прибыль железных дорог составила 473 млн. руб. (327½ млн. руб. на долю казенных дорог и 145½ млн. руб. на долю частных). Между тем в руках Советской власти железные дороги почти бездоходны (для 1926/27 г. доход по транспорту исчислен в 146 млн. черв. руб.) и доставляют много забот Наркомфину. В 1926/27 г. капитальные вложения в железнодорожном хозяйстве впервые достигли уровня амортизации; если принять во внимание, что приходится все-таки строить новые линии (например, Туркестанскую жел. дор.), то придется констатировать, что проедание старого капитала железных дорог еще не приостановлено. С речным транспортом обстоит еще хуже, чем с железнодорожным: еще в 1926/27 г. по рекам было перевезено всего 70% от перевозок 1913 г. Морской транспорт, колесные дороги пребывают в жалком положении.

Жилищное хозяйство является одной из самых мрачных страниц в деятельности Советской власти. По определению Госплана еще в 1926/27 г. квартирная плата покрывала всего лишь 60% амортизации *. Надо при этом думать, что нормы амортизации, которые подходили для домов, находившихся в частной собственности, совершенно недостаточны для «советского» хозяйства. Хотя квартирная плата рабочих те-

---

одно достижение мы признаем безоговорочно: совершенно разложившийся было во время революции русский рабочий класс теперь втянулся опять в работу. Достигнуто это было повышением заработной платы, системой сдельщины, мерами внешнего побуждения, без чего, к сожалению, обойтись невозможно, но отчасти также и искусным воздействием на психику рабочих, и в этом отношении большевикам нельзя отказать в умении. Что дисциплина совсем не слишком строга, можно судить по тому, что процент прогульных дней в году все же остается вдвое больше, чем он был до войны.

* Контрольные цифры Госплана на 1927—1928 гг., стр. 202.

перь несколько повышена, но при быстром росте городского населения положение здесь остается безнадежным. Мы можем поверить Госплану, что жилплощадь на голову населения снижается и будет снижаться.

К характеристике советских торговых организаций мы еще вернемся. Теперь мы перейдем к успехам частного сектора, главным образом сельского хозяйства.

Сельское хозяйство при крестьянской его организации обладает громадной силой сопротивления по отношению к разрушительным влияниям; последствия же его упадка еще губительнее, чем последствия упадка промышленности. В связи с этим русское сельское хозяйство не деградировало в такой мере, как деградировала промышленность, хотя и случившегося было достаточно, чтобы зимой 1921/22 г. погибли с голоду миллионы людей. И в сельском хозяйстве после удачного урожая 1922 г. начался процесс подъема, который, однако, уже в 1927 г. замедлился. В 1922 г., по самым осторожным расчетам, недосев по сравнению с довоенным временем составлял 31%, к 1927 г. он сократился до 3—4%. Численность скота в переводе на крупный сократилась в 1922 г. на 40% по сравнению с 1916 г. К 1927 г. численность скота достигла уровня 1916 г., причем количество пользовательного скота возросло, а количество рабочих лошадей было все еще на 17,3% меньше, чем в 1916 г. Точно так же и ценность мертвого инвентаря процентов на 7 ниже, чем в довоенное время. За недостатком инвентаря поля обрабатываются на юге неудовлетворительно, и от полной гибели посевов в засушливые годы южно-русское сельское хозяйство, конечно, не гарантировано. Если принять во внимание, что увеличение сельского населения против 1913 г. было несколько больше, чем городского, то придется признать, что успехи сельского хозяйства были меньше, чем государственной промышленности.

Кустарная и ремесленная промышленность ввиду особенно тяжелых условий, в которые они поставлены, не могли оправиться даже в такой мере, как сельское хозяйство.

Вычисления народного дохода очень не точны и с довоенными вычислениями проф. С. Н. Прокоповича малосравнимы. Но все же мы приводим для ориентировки некоторые справки. По вычислениям Госплана в урожайный 1925/26 г. доход на душу населения составил 70% довоенной нормы, а в следующем 1926/27 г. можно было ожидать дохода на душу в 78% довоенного. Однако имеется и другое вычисление всего народного дохода в 1926/27 г. (тоже урожайном), согласно коему он достиг уже 92—95% довоенного, что составило бы с учетом роста населения на душу примерно 86—88% довоенной нормы. Какой бы расчет мы ни приняли, во всяком случае совершенно очевидно, что превышение заработной платы промышленных рабочих довоенной нормы при одновременном значительном сокращении их рабочего времени совершенно не соответствует экономическому положению ни крестьянства, ни других классов населения. Оставляя в стороне крестьянство, заметим, что, по имеющимся данным, советские служащие, работники просвещения и медицинско-санитарный персонал зарабатывали в 1926/27 г. 60% того, что эти группы населения зарабатывали до войны *.

Мы склонны думать, что верны низшие цифры Госплана о доходах населения. Правда, его вычисления могут показаться противоречащими данным о производительности промышленности и сельского хозяйства. Однако это кажущееся противоречие, по нашему мнению, совершенно правильно разъяснено Госпланом **: «Это вполне понятно, если учесть, что строительное дело, транспорт, служба связи — эти отрасли

---

* Противоречие между улучшившимся положением рабочих и ухудшившимся положением крестьянства и других классов населения столь разительно, что коммунистическая пресса редко подчеркивает сравнительно благополучное положение рабочего класса. Судя по картинам, намечаемым в беллетристике, на указанной почве назревает глубокий конфликт между крестьянством и рабочими. Если С. О. Загорский (Там же, стр. 298) решается утверждать, что будто «рабочий класс — единственный, оказавшийся с пустыми руками в результате советской революции», то мы это утверждение вынуждены признать крайне тенденциозным. В действительности после ряда лет мучительных переживаний для всего населения только рабочий класс и оказался в некотором выигрыше. Прочны ли его экономические трофеи, это особый вопрос. Но кроме того «не единым хлебом жив человек». После партийных коммунистов рабочий класс составил привилегированное сословие, в ряды которого даже не так уже легко попасть. Рабочий класс — единственный, который имеет политический вес в современной России, с настроениями и интересами коего правящая олигархия считается.

** Контр. цифры Госплана на 1926—1927 гг., стр. 215.

материального производства еще отстают в своем развитии от сельского хозяйства и промышленности. Торговля, особенно внешняя, кредит только что вступают в полосу своего развития; все это объясняет сравнительно низкий уровень народного дохода».

Мы придаем особенно большое значение второй части замечания Госплана. На поле, в фабрике создаются не ценности, а лишь их материальный остов. Ценность соответствующих материальных предметов определяется в зависимости от того, удастся ли их предложить тем потребителям, для которых их полезность будет наибольшей и которые при этом смогут дать за них максимальный эквивалент. Организация распределения не менее важная задача, чем организация производства. И как раз в этом отношении русское народное хозяйство хромает на обе ноги.

Об этом можно судить уже по развитию внешней торговли. От России отторгнуты две сильно индустриализованные провинции: Царство Польское и Прибалтийский край, которые снабжали внутреннюю Россию значительной частью нужных ей промышленных изделий и получали от нее много сельскохозяйственных продуктов. Казалось бы, что внешняя торговля урезанной России при недостаточном развитии ее собственной промышленности должна была возрасти. Между тем она составляла в 1926/27 г. всего лишь 40% довоенных ее размеров.

Не лучше обстоит и с обменом внутри страны — он совершенно недостаточно развит. Наиболее эластичным в своих отношениях к обмену является крестьянски организованное сельское хозяйство. Получает крестьянин надлежащий эквивалент за свой продукт — он его продает и приспособляет все свое хозяйство к обмену; не получает — он уходит в свою натурально-хозяйственную скорлупу. И вот по расчетам Госплана до войны на внедеревенский рынок поступало 22,2% всей сельскохозяйственной продукции, а в 1926/27 г., когда благодаря хорошему урожаю производительность сельского хозяйства поднялась до довоенной нормы, все же на внедеревенский рынок поступило всего лишь 16,9% продукции. Норма денежности русского сельского хозяйства, которая и до войны была низка, сократилась еще без малого на ¼. При этом понизилась рыночность не только таких продуктов, которые вроде зерна частично поступали на рынок из более крупных хозяйств, но и таких чисто крестьянских продуктов, как лен, пенька, яйца и т. п.

Конечно, в среде русской интеллигенции не перевелись еще поклонники натурального хозяйства, которые скажут, что большой беды нет в том, что крестьянин своего льна не продает, а отдает его жене для превращения в самодельную ткань, и еще меньше беды, если в урожайный год крестьянин полакомится и маслом, и яйцами. Мы, однако, думаем, что в этом заключается так-таки немалая беда. Лен надо отдать иностранцам, которые им очень дорожат, и если это сделать без лишних накладных расходов, то крестьянин получит такую цену за него, что он сумеет приобрести гораздо больше бумажных тканей, чем ему изготовит самодельных тканей его жена.

Потребности семьи в одежде будут удовлетворены гораздо лучше, и женщины не будут при этом убиваться за крайне непродуктивной работой по ручному пряденью и тканью льна. И совсем нет необходимости сельскому населению съедать все свое масло и все свои яйца; ведь вот богатый датский крестьянин продает свое чудное масло и сам ест маргарин. Масло и яйца надо тоже продать, а за вырученные деньги прикупить инвентарь. Именно потому, что так не делается, русский крестьянин в неурожайный год сидит и без масла, и без яиц... и без хлеба. Но, конечно, продавать продукты интересно только тогда, когда за них дают надлежащую цену и когда за полученные деньги можно купить нужный товар.

Может быть, ни в чем плохая организация современного хозяйства не находит себе такого отчетливого выражения, как в положении железнодорожного транспорта, этой кровеносной системы народного хозяйства. Почему железнодорожный транспорт, который до войны давал громадные барыши, стал бездоходен? Отчасти это объясняется увеличившимися расходами на труд (в 1913 г. они составляли 48,6% всего расхода, а в 1926/27 г.— 57,6%). Правда, железнодорожники вознаграждаются не лучше, чем до войны, но работают они значительно меньше. Но все же не только в этом причина убыточности железных дорог, а еще в том, что сильно возрос средний пробег грузов (с 496 км в 1913 г. до 601 км в 1926/27 г.). До войны центральные рынки никогда не снабжались сибирским хлебом, с избытком хватало и ближнего хлеба европейской Рос-

сии; теперь же с сокращением товарности зернового хозяйства без сибирского хлеба обойтись уже нельзя. До войны ни Петроград, ни Архангельск никогда не снабжались донецким углем, а теперь их приходится им снабжать, ибо валюты для покупки английского угля не имеется. Разумеется, что такие перевозки можно производить лишь по очень низким ставкам, которые для железных дорог весьма убыточны. Эти факты ярко иллюстрируют крайнее несовершенство современной организации русского народного хозяйства.

Итак, мы имеем в России при несколько возросшем по сравнению с довоенным временем населении неполное восстановление целого ряда отраслей производства и, что особенно важно, чрезвычайное ухудшение организации народного хозяйства. И тем не менее на основании этого частичного восстановления русского народного хозяйства Советская власть требует себе от всего мира триумфа и усматривает в нем яркое доказательство преимуществ социалистической системы. И, как известно, виднейший русский публицист, не являющийся сторонником Советской власти, признал на основании этих фактов, что советская национализация себя оправдала.

Для того чтобы убедить иностранцев в преимуществах советской системы народного хозяйства, коммунисты прибегают к следующему упрощенному приему. Они берут за исходный пункт 1921 г. и показывают, какой огромный относительный рост показывают с той поры разные элементы народного хозяйства, в особенности крупная промышленность. Такого темпа развития не знает ни Западная Европа, ни Америка. При этом перед иностранцами замалчивается, что данные 1921 г. характерны не для дореволюционной России, а представляют то состояние крайнего бедствия, до которого большевики довели страну. По сравнению с нулем, конечно, всякая величина бесконечно велика.

Центральный вопрос состоит в том, совершился ли подъем благодаря «социалистической» организации русского народного хозяйства или несмотря на нее. Априорные соображения не говорят в пользу первого предположения. Действительно, попытка воплощения коммунизма дала самые ужасные результаты, и только тогда народное хозяйство стало оживать, когда частное хозяйство получило некоторые возможности развития. При этом в первые годы нэпа, когда положение было особенно тяжелое, довольно широкие возможности развития получило не только крестьянское хозяйство, но и частная промышленность, и частная торговля. И только тогда, когда в значительной мере усилиями частного хозяйства катастрофическое состояние народного хозяйства было преодолено, приняты были меры для уничтожения всех побегов капитализма. «Социализм» завоевал опять целый ряд позиций.

Но вопрос в том, какими методами он их завоевал? Советский «социализм» не завоевывал себе своих экономических позиций, подобно капитализму, на поприще свободной конкуренции. «Социалистические» организации или прямо получали абсолютную монополию в определенных сферах экономической жизни, или получали большие привилегии, между тем как конкурирующее частное хозяйство отягчалось непомерными налогами и ему создавались всяческие иные трудности. Если же и в таких условиях «социалистическая» организация все-таки не умела справиться с частным конкурентом, то последний просто устранялся в административном порядке. Только такими мерами ленинский вопрос «кто кого?» был решен в пользу «социализма».

Даже в тех случаях, когда на стороне «социалистических» организаций были все технические преимущества, их конкуренция с частным хозяйством не увенчивалась успехом. В этом отношении имеются некоторые разительные примеры. Еще в конце прошлого века в России существовала большая кустарная маслобойная промышленность. Перед войной она почти исчезла, ибо не могла выдержать конкуренции с сильно развившейся крупной капиталистической промышленностью. Во время войны вследствие разрыва рыночных связей она опять возродилась. И вот крупная маслобойная промышленность при нэпе никак не могла справиться со своим, казалось бы слабеньким конкурентом, как с ним легко когда-то справлялись капиталистические маслобойни. Оказывалось, что кустарные маслобойни платят крестьянам гораздо более высокие цены, чем крупные государственные заводы. И вот в 1925/26 г. кустарные маслобойни переработали 60% всех маслосемян, а левиафаны советской промышленности, оборудованные усовершенствованными приборами, стояли частенько без сырья. Закон о преимуществах крупного

производства над мелким оказался в условиях большевистского хозяйства недействительным. Аналогичные явления замечались и в других случаях, когда национализированным крупным предприятиям приходилось конкурировать с кустарными, как, например, в сфере кожевенной промышленности, табачной и др. *. За истекшие два года советский «социализм» одержал победу над мелким производством; но победа была достигнута таким образом, что кустарным заводам частью запретили покупать сырье, частью они были просто закрыты.

При таких условиях становится весьма вероятным предположение, что, хотя благодаря приятию товарно-денежных форм советские «социалистические» предприятия и удалось вывести из того хаотического состояния, в котором они прежде пребывали, что, хотя они в техническом отношении могут даже указать на некоторые достижения, все же в экономическом отношении они остаются несостоятельными. Они живут в тепличной атмосфере разных привилегий или даже абсолютных монополий и их услуги обходятся народному хозяйству непомерно дорого. И прежде в русской литературе не без основания доказывалось, что город захватывает львиную долю народного дохода. Не означает ли победа советского «социализма» в городе создание менее совершенной экономической организации, которая заставляет крестьянство еще дороже оплачивать свои услуги?

Беглый анализ работы «социалистических» организаций с экономической точки зрения вполне это предположение подтверждает.

Производительность крупной промышленности даже с учетом пониженного качества товаров превзошла довоенные размеры. Но ведь с экономической точки зрения надо поставить вопрос, во что ее продукция обходится. И вот в этом отношении картина получается крайне неблагоприятная. По расчетам, сделанным С. Молчановым по поручению ВСНХ, стоимость производства была в 1924/1925 г. в среднем вдвое выше, чем до войны (она колебалась от 151 до 247% довоенной нормы); и это при еще низком тогда уровне заработной платы. С тех пор, правда, техническая организация промышленности улучшилась. Однако ни в 1925/26 г., ни в 1926/27 г. стоимость производства нисколько не понизилась, ибо все выгоды от более полной загрузки фабрик были поглощены быстро повышавшейся заработной платой. И только в истекшем 1927/28 г. после весьма значительных капитальных затрат на рационализацию производства удалось, наконец, понизить стоимость производства на каких-нибудь 4—5%.

Дороговизну промышленной продукции ни в коем случае нельзя объяснить только изменением цены денег. В 1926/27 г., когда стоимость производства промышленных изделий была вдвое выше довоенной, средняя заготовительная цена сельскохозяйственных продуктов превысила довоенный уровень меньше чем на 25%. Еще для 1926/27 г. Госплан констатирует более высокие по сравнению с довоенным временем нормы потребления топлива, более высокие нормы административных расходов, плохое использование рабочего времени, то есть внутренние дефекты в организации производства, которые и объясняют нам, почему она без помощи мамаши, Советской власти, не может справиться даже с таким пигмеем, каким является кустарная промышленность.

Указанный капитальной важности факт непомерной дороговизны производства обесценивает все и технические, и экономические достижения советской промышленности. То, что она дает чистый доход, не имеет никакого значения, ибо в условиях абсолютной монополии этого всегда можно достичь путем назначения высоких отпускных цен. Не имеет значения и улучшение экономического положения рабочих, ибо, как мы уже указали, оно явно несправедливо и достигается обрезыванием доходов других элементов населения и в особенности крестьянства.

Не приходится Советской власти особенно хвастать и тем, что ее государственный аппарат вытеснил частнохозяйственный и в сфере торговли. Вопрос состоит в том, во что обходится эта перемена производителю. Вот некоторые данные, относящиеся к 1926/27 г., для суждения об этом **.

---

* Частный капитал в народном хозяйстве СССР, под редакцией А. М. Гинзбурга. Промиздат, 1927, стр. 365, 366, 435, 460, 558.

** Эконом. Бюлл. Конъюнкт. Инстит., 1927 г., № 11—12, стр. 62.

Товары	Разница между реализационными ценами потребляющих районов и заготовительными производящих районов (в коп. за пуд)		Накладные расходы 1926/27 г. при принятии таковых 1913 г. за 100	Доля производителя в реализационных ценах внутреннего рынка. Заготовительные цены в процентах к реализационным	
	1913 г.	1926/27 г.		1913 г.	1926/27 г.
Рожь	30	83	277	69,7	47,5
Овес	23	78	339	73,6	46,6
Ячмень	24	86	358	75,5	41,9
Мука ржаная обойная	53	98	185	56,6	43,4
Мука пшеничная красная	168	321	191	36,6	25,9
Масло сладкосливочное	285	1 050	368	85,8	73,9
Яйца (ящик) . . .	1 288	2 697	209	72,0	64,9

Мы видим, что накладные расходы возросли минимум на 85% (ржаная мука), максимум на 268% (сливочное масло). Что дело здесь не только в изменении цены денег, видно из того, что и доля производителя в реализационной цене чрезвычайно понизилась.

А вот аналогичные данные по внешней торговле *:

Товары	Накладные расходы в экспорте (в коп. за пуд)		Накладные расходы 1925/26 г. при прият. таков. 1913 года за сто	Доля производителя в реализационных ценах	
	1913 г.	1925/26 г.		1913 г.	1925/26 г.
Хлебопродукты	27,5	62	225	62,9	30,4
Масло	235	570	243	83,5	63,2
Яйца (ящик) . . .	997	3 070	308	63,5	25,4
Лен	73	307	421	88,0	55,5

Эта таблица, характеризующая деятельность Внешторга, еще более разительна: по хлебопродуктам и по яйцам на долю производителя остается теперь слишком в два раза меньшая доля иностранной цены, чем до войны. Обе таблицы обнаруживают весьма ярко одну из важнейших причин сильной натурализации современного сельского хозяйства, которую увеличением сельского населения ни в коем случае объяснить нельзя. Причина та, что существующая торговая организация, как государственная, так и кооперативная, непомерно дорога. Хороша или плоха была капиталистическая организация, но она исполняла свои функции несравненно дешевле.

В сущности, ни в сфере скупки сельскохозяйственных продуктов, ни в сфере продажи промышленных изделий государственная торговля даже не выполняет тех функций, которые выполняет частная торговля. Последняя являлась активным фактором, вовлекающим население в обмен. Про государственную торговлю этого никак нельзя сказать. В последнее время, когда конкуренция устранена и когда «плановость» наиболее строго проведена, закупочные организации окончательно превратились в бюрократические учреждения. Они действуют по директивам, выработанным в центре и совершенно не учитывающим многообразных, изменчивых требований жизни. Эти учреждения не обладают тем минимумом гибкости, которая в экономической жизни необходима **.

При продаже промышленных товаров государственная торговля совершенно не в состоянии ни учесть, ни приспособиться к требованиям и вкусам потребителя. Распределение товаров совершается по составляемым в Москве «планам завоза». Такая орга-

* М. Кауфман. Внешняя торговля, «Эконом. Обозр.», 1926 г. Декабрь.

** См. Н. Виноградский. Система и практика регулирования торговли. «Экон. Обозр.», 1928 г., № 6.

низация распределения возможна только в стране, где перманентно царит товарный голод и где, чтобы сбыть с рук червонцы, хватают товары, каковы бы они ни были. Но в те короткие моменты, когда предложение товаров в соотношении со спросом повышалось, товарный голод сейчас же сменялся жалобами на затоваривание. Оказывается, что ассортимент товаров, в сущности, не является подходящим для покупателей, и без крайней необходимости их никто не желает брать.

В дореволюционной литературе часто звучали жалобы, что благодаря таможенной защите промышленность находится на рынке в более выгодном положении, чем сельское хозяйство. После преобразования русского народного хозяйства большевиками положение сельского хозяйства на рынке несомненно резко ухудшилось. Для суждения об этом мы воспользуемся так называемыми крестьянскими индексами Конъюнктурного Института о соотношении цен отчуждаемых крестьянством товаров и покупаемых им. Этот индекс в среднем по семи районам равнялся к I—X 1926 г.— 0,65, а к I—I 1927 г.— 0,69. Так как реализация сельскохозяйственных продуктов происходит главным образом осенью и зимой, то мы можем принять средний индекс для сельскохозяйственного года равным приблизительно $^2/_3$. В 1926/27 сельскохозяйственном году сельское хозяйство отчудило на внутрикрестьянский рынок на 1932 млн. довоенных руб. продуктов. Следовательно, при обмене своих продуктов на промышленные товары она недополучила таковых на 645 млн. довоенных (не червонных) руб. Истинное положение крестьянства на рынке даже хуже, чем выражено этой цифрой, ибо до войны крестьяне покупали то, что они спрашивают, а теперь при перманентном товарном голоде они берут то, что им пришлют по «планам завоза» московские канцелярии. Чтобы оценить указанную потерю, достаточно указать, что довоенные платежи крестьянства за аренду земли и земельным банкам, от которых революция его избавила, составляли 375 млн. руб. Следовательно, потери крестьянства на рынке далеко превышают выгоды от этого важнейшего завоевания революции. А между тем ведь и бремя податей крестьянства после революции сильно возросло. При такой неимоверной эксплуатации частного хозяйства не было бы ничего удивительного в том, если бы веспромышленность сумела отложить в 1926/27 г. 650 млн. червонных (не довоенных) руб. прибыли.

После сказанного мы имеем все основания утверждать, что так называемый социалистический сектор, огражденный монополиями и привилегиями, живет за счет частного, преимущественно крестьянского хозяйства.

И к тому же выводу мы придем, если разберемся в самом процессе роста сельского хозяйства и «социалистических» организаций. Сельское хозяйство развивается почти исключительно за счет собственных сил; если оно выбралось из того катастрофического состояния, в которое оно попало в 1921 г., то оно обязано этим упорству в труде и бережливости крестьянской массы — качествам, столь ей присущим. В систему сельскохозяйственного кредита до сих пор вложено около 300 млн. червонных руб., причем государство стремится их направить на финансирование колхозов и совхозов. Выдаваемые в последние годы ссуды на контрактацию посевов являются ростовщической формой кредита, с помощью коей государство стремится обеспечить свои организации крестьянским сырьем по ненормально дешевой цене.

Положение «социалистических» организаций совершенно иное. Все, что можно выжать из народного хозяйства, обращается на их финансирование. Первоначально источником их финансирования была эмиссия. В войне и революции денежная система погибла. Но народу этот инструмент обращения товаров был необходим. И когда Советская власть отошла от безумной идеи безденежного хозяйства, взяла себя в руки и решилась завести устойчивую денежную систему, то население заплатило за бумажные деньги реальными товарами. До настоящего времени выпущено около 2 миллиардов червонных рублей, и вся эта громадная сумма почти целиком пошла на финансирование «социалистического» сектора, в особенности госпромышленности.

В последние годы потребности «социалистического» сектора, ввиду разивающегося капитального строительства, чрезвычайно выросли, и в то же время с эмиссией приходится быть осторожным, ибо народное хозяйство уже насыщено деньгами. Ввиду этого важнейшим орудием финансирования народного хозяйства, почти исключительно его «социалистического» сектора, является бюджет. Последний дал для финансирования народного хозяйства в 1924/25 г. 537 млн. руб., в 1925/26 г.— 782 млн. руб., в 1926/27 г.—

1197 млн. руб. и в 1927/28—1½ млрд. руб. В соответствии с этим росла и напряженность бюджета. Выкачивая из народного хозяйства, в особенности из сельского хозяйства, все, что только можно выкачать, можно было за этот счет выстроить любую даже внутренне несостоятельную хозяйственную систему.

Нам остается еще ответить на один вопрос, который у читателя не может не возникнуть. Если строительство советского «социализма» сопровождается такой эксплуатацией крестьянства, которая при капиталистическом хозяйстве не имела и не могла иметь места, то как же все-таки сельское хозяйство могло хотя бы частично оправиться от минувшего разорения.

На это надо прежде всего сказать, что крестьянское население было предшествующей политикой последовательного коммунизма поставлено на край гибели. Вопрос о поднятии своего хозяйства был для крестьянства просто вопросом жизни и смерти, и, конечно, оно с величайшим напряжением использовало все представляющиеся возможности для того, чтобы выбраться из беды. Вообще никакая форма производства не создает таких могущественных стимулов к труду, к экономии и к накоплению, как крестьянское хозяйство. История полна примерами, как очень несовершенные экономические надстройки столетиями держались за счет эксплуатации крестьянства. Стомиллионное русское крестьянство есть достаточно крупный объект для эксплуатации.

Однако сказанного все же нельзя считать достаточным. Оно не может нам объяснить того очень быстрого подъема сельского хозяйства, которое имело место в первые годы после объявления нэпа. Очевидно, были тогда некоторые обстоятельства, которые частично компенсировали несовершенства национализированного сектора народного хозяйства. И действительно, такие обстоятельства имелись.

Общий подъем русского народного хозяйства в период нэпа был возможен, ибо основная цель, которую Советская власть себе тогда поставила — восстановление замершей было крупной промышленности,— вполне соответствовала интересам русского народного хозяйства, и это давало себя знать, несмотря на несовершенные формы, в которых русская промышленность восстанавливалась.

Промышленность к началу нэпа бездействовала. Но ведь ее основной капитал в форме построек и оборудования был в наличности. Он оценивался в 5 с лишком миллиардов червонных рублей. На фабриках имелись еще громадные запасы всякого рода сырья и материалов. Революция захватила русскую промышленность в самом разгаре ее работы для нужд войны. Фабрики были завалены сырьем, закупленным частью и за границей за счет тех военных займов, которые Россия получила от союзников и по которым большевики впоследствии отказались платить. На фабриках оставалось к 1921 г. еще половина рабочих прежнего состава; они, правда, не работали и даже отвыкли было от работы, но ведь свою квалификацию они еще сохранили.

Таким образом, в сущности имелись налицо все данные для быстрого восстановления фабричного производства. Не хватало только минимума порядка и кое-каких оборотных средств. Минимум порядка был создан приятием товарно-денежных форм, ликвидацией единого и необозримого «планового» хозяйства и переводом предприятий на хозрасчет. Что касается оборотных средств, то их можно было легко получить с помощью эмиссии, ибо все население жаждало вернуться к упорядоченному денежному хозяйству.

И народное хозяйство было недурно вознаграждено за вложение первых оборотных средств в промышленность. Каждой сотней вновь вкладываемых оборотных средств оживлялись не менее 300 руб. втуне лежавшего основного капитала. В первые годы нэпа Советская власть совершенно правильно не торопилась с производством амортизационных работ, ибо, пока мертвый основной капитал имелся еще в изобилии, выгоднее было направлять все средства на его оживление. Этот процесс сопровождался стремительным ростом выбрасываемой на рынок товарной массы. Так, в 1924—1925 г. было вновь вложено в промышленность ВСНХ в порядке банковского кредитования и бюджетного финансирования 523,2 млн. руб. *, а валовая продукция цензовой госпромышленности возросла за означенный год на 45%, или на 1846 млн. руб. В следующем 1925—1926 г. в промышленность ВСНХ было вновь вложено со стороны 697,4 млн. руб., а валовая продукция опять возросла на 2622 млн. руб., или на 44%. Среднее годовое

---

* Л. Кафенгауз. 10 лет промышленного развития России, 1927 г. Октябрь, стр. 105.

число рабочих госпромышленности возросло в 1924—1925 г. против предшествующего года на 251 тыс. человек, а в 1926—1927 г.— на 465 тыс. человек.

Указанное быстрое восстановление промышленности имело, конечно, для всех элементов народного хозяйства, в частности и для частнохозяйственных, чрезвычайно благодетельное значение и вознаграждало их отчасти за принесенные в пользу промышленности жертвы. Стремительно разраставшиеся города предъявляли большой спрос на питательные продукты, а фабрики — на сырье, и, таким образом, совершенно натурализовавшееся было сельское хозяйство стало опять перестраиваться на меновой основе. Деревня стала освобождаться от прилившего туда из городов избыточного населения. Крестьяне стали находить свои прежние побочные заработки. Заработал омертвевший транспорт. В возрождающемся народном хозяйстве находили себе заработок и кустарь, и ремесленник; даже вечно гонимый торговец находил все новые и новые возможности для развития своей деятельности, ибо при таком стремительном росте меновых отношений социалистические торговые организации не могли ни в коем случае их охватить. Таковы были движущие силы этого процесса частичного восстановления русского народного хозяйства.

Мы видим, что в основе указанного подъема лежали два обстоятельства: во-первых, наличие громадного неиспользованного капитала, отнятого у буржуазии и, во-вторых, возможность финансировать госпромышленность с помощью эмиссии в возвращающемся к денежному обмену народном хозяйстве. Эти благоприятствующие обстоятельства должны были рано или поздно исчерпаться. В конце 1926 г. капитал, унаследованный от буржуазии, был уже более или менее использован в производстве. Была возможна лишь некоторая дальнейшая загрузка фабрик. Для финансирования народного хозяйства с помощью эмиссии уже к концу 1925 г. возможности сильно сократились, ибо народное хозяйство оказалось уже насыщенным деньгами.

Народное хозяйство встало перед новыми задачами, и тот кризис, в который оно вошло в 1927 г. и который не разрешается, а все более и более обостряется, показывает, что на основе большевистской организации эти задачи не могут быть разрешены.

V. Современный кризис хозяйства Советской России

Для того, чтобы уровень благосостояния населения не падал, производительность народного хозяйства должна возрастать, по крайней мере в той пропорции, в которой возрастает население. А для того, чтобы его благосостояние возрастало, производительность народного хозяйства должна обгонять рост населения. Основной предпосылкой для поднятия производительности народного хозяйства является приумножение его капиталов. Лучшее будущее имеет только тот народ, который более или менее значительную долю своего годового дохода превращает в капитал, служащий для расширенного воспроизводства.

Так называемое буржуазное хозяйство в процессе своего многовекового развития создало целый ряд механизмов, с помощью которых означенная задача накопления капитала успешно выполняется.

Вопрос о поднятии производительности народного хозяйства стоит перед русским революционным правительством с особенной остротой. Действительно, ведь не царство небесное и спасение души обетовало оно народу, а царство земное и материальное благополучие. Пока шла борьба с контрреволюцией, народные массы особых претензий к нему не могли предъявлять и даже мирились с тяжелыми лишениями. Но как только гражданская война кончилась и стало выясняться, что дело к лучшему не идет, Ахерон стал грозно ворочаться. Ленин вынужден был уступить и объявить нэп.

В первые годы нэпа большевики были освобождены от тяжкой заботы о приумножении народного капитала. Народное хозяйство могло быстро развертываться на основе буржуазного наследия. Хотя общий уровень благосостояния населения оставался на гораздо более низком уровне, чем до войны, тем не менее народные массы были в известной мере удовлетворены, ибо психологические настроения людей определяются не абсолютным состоянием внешней среды, а динамическими изменениями в ней; последние же были благоприятны. Кроме того, и политика большевиков в первые годы нэпа была осторожна и в некоторых отношениях разумна. Ликвидация натурального обложения, стабилизация валюты, фактический отказ от национализации земли и ограничение прин-

ципа социализации земли, директива промышленности в конце 1923 г. о значительном снижении цен за счет быстрого расширения производства — все эти меры облегчили подъем народного хозяйства. Благодаря этому властвующая олигархия безболезненно пережила всегда опасный для революционной власти момент выхода из политической жизни и затем физической смерти вождя революции.

Проблема дальнейшего подъема народного хозяйства и накопления для этой цели необходимого капитала встала перед революционной олигархией только в конце 1926 г., когда буржуазное наследие было исчерпано. В виде реакции против минувшей убыли население к тому же стало теперь сильно расти.

В том довольно быстром экономическом подъеме, который имел место в России до войны, значительную роль сыграл прилив иностранного капитала. Хотя большевики в своем флирте с иностранным капиталом проявили совсем немало талантов, все же на сколько-нибудь значительный прилив капиталов в страну красного знамени не приходится рассчитывать. И это тем более, что, как мы указали, коммунистическая олигархия на принципе: «социализм в одной стране», в своих международных отношениях совсем не утвердилась.

Стало быть, коммунистическая Россия должна собственными силами создать себе новый капитал. Это накопление капитала большевики хотели бы целиком использовать в пользу «социалистического» сектора, ибо иначе оно пошло бы на пользу частного сектора и усилило бы буржуазные элементы хозяйства.

Положение коммунистической олигархии является при этом сильно осложненным ее зависимостью от рабочего класса. Нельзя сказать, чтобы правящие коммунисты не сознавали, что превышение заработной платой, ее довоенных норм при значительном сокращении рабочего времени совершенно не оправдывается данным состоянием народного хозяйства. Они обычно довольно осторожно планируют повышение заработной платы. Но давление рабочего класса бывает таково, что эти нормы превышаются. Госплан предполагал на 1926/27 г. повышение номинальной заработной платы на 7,7%, в действительности же она повысилась на 11,8%. На 1927/28 г. заработную плату предполагалось повысить на 7%, а она повысилась на 10,5%. Мало того, по мотивам политического характера пришлось выкинуть лозунг 7-часового рабочего дня. Поскольку он осуществляется в немногих предприятиях, он приводит к весьма печальным результатам

Быстрый рост заработной платы дополнительно увеличивает потребность в накоплении капитала. Он требует по необходимости значительного повышения производительности труда, а это достижимо лишь при рационализации производства. В то время как интересы бедного капиталом русского народного хозяйства требуют прежде всего расширения производства и вовлечения в него все больших рабочих кадров, приходится значительные капиталы затрачивать на такие работы по рационализации производства, которые нельзя признать своевременными.

Как же собрать капиталы, которые необходимы для быстрого расширения и для рационализации производства в бедной крестьянской стране? К моменту составления 5-летнего перспективного плана этот вопрос был поставлен на очередь.

Некоторые экономисты предлагали Советской власти восстановить в стране буржуазные методы накопления капитала. «Не следует выжимать из населения последней копейки»,— говорили они. «Пусть оно обрастает. Оно само добровольно понесет свои сбережения в советские банки, и их тогда удастся использовать для социалистического сектора». В конечном счете этот совет соответствовал интересам русского народного хозяйства, но он явно не соответствовал интересам большевистского «социализма», и был поэтому, как буржуазный, отвергнут Советской властью.

Мы уже имели случай указать, почему добровольное накопление капиталов в Советской России не может быть значительным, и мы указали уже, что, поскольку оно имеет место, соответствующие средства не могут добровольно притечь к «социалистическому» сектору. Советская власть всячески старается опять развить в населении привычку к сбережениям, она не перестает клясться в неприкосновенности и тайны вкладов. Сеть казенных сберегательных касс теперь едва ли не больше, чем она была до войны. Тем не менее результаты этой акции ничтожны, ибо политика Советской власти в целях развития сберегательного дела стоит в некотором внутреннем противоречии со всем духом коммунистического государства. Надо признать, что буржуазные

методы накопления капитала являются для коммунистического государства вообще неподходящими.

Казалось бы, что в этом нет и не может быть большой беды. Коммунистическое государство держит в своих руках важнейшие источники дохода; ему принадлежат все естественные богатства страны, все капитальные сооружения, все крупные предприятия. Однако в руках государства все эти капиталы или совсем не дают доходов, или дают лишь очень скромные доходы. Так называемые неподатные доходы имеют в бюджете Советского государства лишь немногим большее значение, чем в бюджете буржуазных государств. Он основывается, как и бюджет буржуазных государств, на налогах, прямых и косвенных. Займы имеют скромное значение, да и они в отличие от займов в буржуазных государствах в сущности размещаются принудительно.

В целях создания нового капитала пришлось чрезвычайно повысить бюджет. Так, сводный (то есть государственный вместе с местным) нетто-бюджет (то есть без транспорта и связи) поглотил в 1925/26 г. 16,3% народного дохода, в 1926/27 г. он поглотил уже 19% и в 1927/28 г.— 22,6% народного дохода. Таких высоких норм обложения не знает бюджет ни одного буржуазного государства, хотя при очень высоких и дифференцированных доходах населения они могли бы себе позволить изъять большую часть народного дохода, чем Советская власть.

Само собою разумеется, что этот не только абсолютный, но и относительный рост бюджета сопровождался повышением ставок прямого обложения, в особенности для частного хозяйства. Так, в 1926/27 г. было собрано сельскохозяйственного налога 358 млн. руб. вместо 252 млн. руб. в предшествующем году, то есть на 42% больше. Так как около $^1/_3$ крестьян освобождено от сельскохозяйственного налога, то установлена чрезвычайно резкая прогрессия по обложению. Для 1927/28 сельскохозяйственного года налог был увеличен еще на 80 млн. руб., прогрессия была еще увеличена. Что касается наиболее зажиточной группы крестьян, то для нее был введен метод индивидуального обложения, при котором фининспектор ни с какими нормами считаться не обязан. Весьма тяжелым является обложение и частной промышленности, хотя бы и кустарной, свободных профессий и в особенности частной торговли. Обложение последней рассчитано на ее ликвидацию.

Однако так как взимание прямых налогов сопряжено всегда с большими трудностями, то главное значение в бюджете имеют не они, а косвенные налоги. А из всех косвенных налогов наибольшее значение приобрел доход от водки. Уже в 1926/27 г. он дал 540 млн. доходу, а на 1927/28 г. он был запроектирован на сумму 645 млн. руб. При том страшном напряжении бюджета, которое потребовало строительство социализма, без этого источника дохода невозможно было обойтись. Пришлось утешиться на известном изречении Сталина, что «социализм в белых перчатках не строится». Здесь, однако, надо заметить, что, так как крестьянин все еще ухитряется в известной мере пробавляться «самогоном», то Советской власти пришлось на этот раз усиленно заняться спаиванием собственных рабочих.

И все же бюджет не мог в достаточной мере финансировать народное хозяйство. Весной и летом, когда идут строительные работы, ни банки, ни бюджет не могут дать для них достаточно средств, и вот их приходится уже финансировать через посредство эмиссии. В 1925/26 г. при очень быстром росте товарной массы количество денег возросло всего лишь на 200 млн. руб.; такой рост соответствовал росту товарной массы и не мог вызвать инфляционных явлений. Но в 1926/27 г. было вновь выпущено в обращение 327,6 млн. руб. и в 1927/28 г. 332,8 млн. руб., и такие выпуски денег в новых условиях были чрезмерными.

Новизна условий состоит в том, что деньги прежде шли главным образом в оборотные средства госпредприятий и служили для вовлечения в производство лежащего втуне основного капитала. В этих условиях инфляции не могло наступить, и народное хозяйство недурно вознаграждалось за принесенные в пользу госпромышленности жертвы. Теперь средства уходят преимущественно на капитальное строительство в отраслях, производящих средства производства. Следовательно, сначала создается большая покупательная сила (в промышленности строительных материалов, в транспорте и особенно у строительных рабочих), а соответствующая ей товарная масса появится на рынке в далеком будущем.

Для того, чтобы охарактеризовать вновь создавшееся положение, мы приводим следующие сравнительные данные для 1925/26 г., когда промышленность расширялась преимущественно за счет старого капитала, и для 1926/27 г., когда она расширялась уже преимущественно за счет вновь создаваемого капитала *:

Годы	Приток средств в промышленность со стороны	Возрастание товарной массы предметов широкого потребления, выпускаемой промышленностью, против предыдущего года
	Миллионы червонных рублей	
1925/26	627	1 738
1926/27	891	461

Второй столбец является мерилом тех жертв, которые народное хозяйство, почти исключительно частное хозяйство, вынуждено приносить для развития госпромышленности, производящей как средства производства, так и предметы потребления. Ни *прибыли промышленности, ни иностранные кредиты* в счет не введены. Третий столбец дает возрастание не всей продукции, а только товарной массы предметов массового потребления, ибо частное хозяйство почти только в них заинтересовано. Сопоставление обоих столбцов явно характеризует совершившийся перелом.

Мы видим, что в 1925/26 г. добавочная товарная масса превзошла в три раза приток новых средств в промышленности, а в 1926/27 г. добавочная товарная масса была почти вдвое меньше притока новых средств. Одновременно с этим сильно сократился и прием новых рабочих. Медленный рост числа рабочих объясняется тем, что капитальные вложения в целях рационализации производства сопровождаются нередко даже сокращением числа рабочих.

Такая экономическая политика, если бы она даже в других отношениях выполнялась умело, должна была бы все же привести к обескровлению эксплуатируемого частного хозяйства и к инфляции. Но вредные последствия ее усугубляются тем, что как раз в сфере капитального сторительства все отрицательные стороны советского хозяйства выявляются с сугубой яркостью.

В условиях буржуазного хозяйства, в которых капиталист считается с каждым затраченным рублем, строится только то, что рентабельно, только то, что соответствует назревшим потребностям страны, что она готова немедленно оплатить. Капитальное строительство в Советской России не исходит и не может исходить из мелочных соображений о рентабельности. Здесь исходят из грандиозных плановых идей, в которых находят себе отражение не столько реальные экономические интересы нищей страны, сколько политические идеи господствующей партии. Мы уже имели случай указать, какие большие опасности в этом таятся.

Наряду с апогеем «плановости» советское строительство проявляет совершенно исключительную хаотичность, являющуюся отчасти также следствием переплетения экономических и политических интересов. Каждая независимая, каждая автономная республика желает у себя строить, требует себе ассигновок, и соответствующие вопросы решаются по мотивам, ничего общего с экономическим расчетом не имеющим.

Но и независимо от политики хаотичность советского строительства и с хозяйственной стороны является поразительной. Пресса переполнена примерами грубейших ошибок, когда фабрики строились в совершенно глухих местах, далеко от железных дорог, где при этом нет ни сырья, ни воды, ни помещений для рабочих. Полное несоответствие планов действительной стоимости работ является самым обычным явлени-

* Данные 2-го столбца по Кафенгаузу «Эконом. Обозр.» 1927 г., октябрь, стр. 105; они касаются только госпромышленности, планируемой ВСНХ, но это значительно большая часть госпромышленности. Данные 3-го столбца по «Контр. цифрам Госплана на 1927—1928 г.», стр. 506.

ем. О величине же этих несоответствий мы можем судить хотя бы по следующим примерам: стоимость восстановления Керченского завода была исчислена в 18 млн. руб., а когда работы значительно продвинулись, то выяснилось, что дело обойдется в 50 млн. руб., смета трубного цеха на Мариупольском заводе была исчислена в 6 млн. руб., а обошелся он в 20 млн. руб.*. Такие просчеты, когда строительство влетает втрое против сметы, совсем не редкое исключение, а обычное явление. Хаос характеризует как бы самую природу советского строительства. Известно, какая всемирная реклама делается советской электрификации. Недавно не кто иной, как Председатель Госплана М. Кржыжановский, напечатал на немецком языке книжку «Die Planwirtschaftsarbeit in der Sowjetunion», посвященную прославлению плановой работы в СССР. Разумеется, что об электрификационных работах говорится там с особой похвалой: «Планомерность, организованность и насквозь централизованный характер работы отличают больше всего нашу электрификацию от электрификации других стран». Словом, где там капиталистическому миру! А вот некоторые выводы о ходе электрификационных работ, сделанные в докладе Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) **. «Достаточно разработанного плана электрификации не имеется... Ни для одной из обследованных станций при начале строительства планы и сметы готовы не были... Стоимость строительства всегда превышала смету... Все станции плохо оборудованы... Строительные работы производятся медленно. Ни одна из районных станций не строилась меньше, чем в четыре года... Кроме объективных трудностей во многих случаях замечалась полная бесхозяйственность в ведении работ»... и т. д., и т. д. Так обстоит с любимейшим детищем Советской власти, предметом ее гордости перед всем миром.

Даже помощь из-за границы этому строительству не впрок. Так, на всеукраинской производственной конференции металлистов летом 1928 г. *** выяснилось, что «за границей заказано оборудование на 28 млн. руб., получено на 8675 тыс. руб., а установлено всего лишь на 1679 тыс. руб. Импортное оборудование прибывает на завод без надписей, без чертежей и зачастую даже с неизвестным назначением».

В связи и наряду с хаосом для советского строительства характерна также его дороговизна. Это последнее качество свойственно советскому строительству даже и в том случае, если все идет в полном порядке. У хороших инженеров все делается с большим запасом, стены делаются такой толщины, окна такой высоты, машины такой мощности, какие в капиталистическом мире не практикуются. Только тогда инженер спокоен, что все будет хорошо, что будет что показать властвующим коммунистам, а рентабельность... это в стране Советов дело десятое. Если индекс стоимости производства изделий выше довоенного в два раза, то индекс строительства выше в 2,7 раза, а в 1927—1928 г. индекс достиг 3-х.

Другим следствием хаотического строительства является его медленность. В результате к 1 октября 1927 г. было вложено в неоконченные работы 744 млн. руб. ****. В советском хозяйстве не начисляют процентов на капитал — эта претензия последнего принципиально отвергается. И все же для бедного населения России этот неиспользованный капитал является гораздо большей потерей, чем он являлся бы для населения более богатой страны, где согласно капиталистическим принципам на каждый рубль затраченного капитала аккуратненько насчитывается процент.

Так затрачиваются те средства, которые с величайшим напряжением выжимаются из народных масс.

Уже неимоверный рост бюджета должен был привести к частичному разрушению частного хозяйства и постольку потрясти нэп как систему пусть неравноправного, но все же сотрудничества государственного хозяйства с частным. Быстрый рост госпромышленности потребовал дальнейшего разрушения частного хозяйства. Госпромышленность стала требовать монопольного распоряжения всем крестьянским сырьем по дешевой цене. И эту монополию, конечно, удалось трестам от Советской власти полу-

---

* Всеукраинская производственная конференция металлистов. «Эконом. Журн.» 29.VII.1928 г.

** «Эконом. Жизнь» от 22.V.1928 г.

*** «Эконом. Жизнь» от 29.VII.1928 г.

**** Бирбраер. Капитальное строительство промышленности за 10 лет революции. «Эконом. Обозр.», 1927 г., X, стр. 129. По позднейшим данным стоимость незаконченных работ превысила полтора миллиарда рублей.

чить. Этим был осужден на гибель целый ряд отраслей кустарной промышленности, занимающейся переработкой крестьянского сырья. Так как кустари обходили запрещение, то их заводы просто закрывались. Так было насильственно закрыто около 5000 мелких кожевенных заводов; а когда кожевники бросились в крестьянские усадьбы обрабатывать кожу, то организована была погоня на «кадушечников» в деревнях. Закрыты почти все маслобойни, махорочные фабрики и т. д. Однако и ремесленники, обрабатывающие кожу, как сапожники, шорники и т. д. тоже сидят без работы, ибо тресты, конечно, не заботятся о снабжении их материалами.

Рост промышленности стал также несовместим с дальнейшей работой частника и на сельскохозяйственном рынке. Вопрос о снабжении разросшегося рабочего населения дешевыми питательными продуктами и промышленности дешевым сырьем приобрел громадное значение. Кроме того, выросшая промышленность нуждается в громадном импорте из-за границы сырья (хлопка, тонкорунной шерсти, резины и т. п.) и оборудования. Для этого надо вывезти соответствующие по ценности массы сельскохозяйственных продуктов. Но закупить эти продукты в «плановом порядке», то есть по пониженным ценам, не представлялось возможности при наличии на рынке частника. Оставалось удалить частника с сельскохозяйственного рынка, что более или менее успешно и было выполнено.

Увеличение податного пресса и новое разрушение многих отраслей частного хозяйства должно было вызвать чрезвычайное усиление безработицы в стране, которая не могла быть компенсирована возрастанием численности рабочих, которое по указанным причинам сильно замедлилось. Аграрное перенаселение в деревне стало обостряться, стало резче противоречие между положением крестьян и рабочих, и деревня стала заливать города толпами людей, ищущих работы. Уже в конце 1926—1927 гг. размеры явной безработицы в городах определялись в 2—2,1 млн. человек. Безработные составляли 25% от числа наемных лиц в городах. Необходимо, однако, заметить, что Советская власть все более ограничивает круг регистрируемых безработных, и их истинная численность в действительности больше.

Бедствия населения, не причастного к строительству большевистского «социализма», впрочем, для благополучного развития последнего не имеют решающего значения. Таковое имеет, однако, то глубокое нарушение рыночного равновесия, которое наступило летом 1927 г. и которое не ослабляется, а напротив, обостряется все дальше. Такое нарушение равновесия уже имело раз место летом 1925 г., но тогда с помощью сокращения строительных работ и ограничения эмиссии равновесие удалось восстановить. Иначе обстоит теперь. Непомерно большие строительные работы, производимые частью за счет эмиссии, повышение заработной платы при замедленном темпе роста товарной массы, сократившейся еще вследствие разрушения всех видов частной промышленности, должны были породить у городского населения, а также у части сельского населения нечерноземной России, занятой в промыслах, такую покупательную силу, которой наличная товарная масса не соответствовала. В условиях свободного хозяйства товарные цены неминуемо повысились бы. Это означало бы снижение реальной заработной платы и снижение цены денег, но таким путем равновесие спроса и предложения было бы восстановлено.

Однако, несмотря на веские возражения многих видных беспартийных экономистов, руководящие коммунисты остаются в уверенности, что законы рыночного равновесия для советского хозяйства не обязательны и что нормированием цен можно законы рынка преодолеть. Советская власть не желает допустить всеобщего повышения цен во-первых, чтобы не обесценился червонец, и, во-вторых, чтобы не понизился уровень реальной заработной платы. Таким образом, с лета 1927 г. Советская Россия вступает в период усиленного нормирования цен. Так как при наличии частной торговли промышленными изделиями соответствующий план не мог быть осуществлен, то с лета 1927 г. начинаются усиленные гонения и на этот вид торговли. Однако при превышении спроса над предложением рыночное равновесие может быть восстановлено или понижением ценности денег и, следовательно, общим повышением товарных цен, или товарной интервенцией. Нормирование цен не является третьим решением вопроса. Нормированием цен создается также положение, что привилегированные элементы городского населения расхватывают товары, и тем меньшее количество их поступает в деревню.

Товарный голод есть характерное явление планового хозяйства с нормированными ценами. В прежние годы нэпа, несмотря на наличие гораздо меньшей массы товаров, товарный голод не доходил до такой остроты, как осенью 1927 г. Он обострился теперь еще и ликвидацией частной торговли. Не так уж трудно разрушить частную торговлю,— это делалось у нас и до революции во время войны, это неоднократно делали большевики, но трудно, очень трудно в бюрократическом порядке выполнить ее функции. И вот к товарному голоду как результату усиленного капитального строительства за счет эмиссии и нормирования цен присоединилась еще дезорганизация рынка как следствие разрушения частной торговли. Даже такие товары, которые имеются в стране в достаточном количестве, в обширных районах невозможно достать, ибо при плановом снабжении товары распределяются как-то гораздо хуже, чем когда снабжение идет в частном порядке без всякого плана.

И вот осенью 1927 г. в русском народном хозяйстве случилось то, что ему грозило, но что все-таки удалось предотвратить в конце 1923 г.,— связь (Ленинская «смычка») между городом и деревней порвалась. Крестьянин не захотел больше продавать своих продуктов, почуяв, что за них ему дают не товары, а бумажные деньги, в реальном значении коих он уже на горьком опыте научился сомневаться. И особенно сдержанным стал крестьянин в отношении продажи зерна, ибо как раз за него меньше всего желает платить Советская власть, а этот продукт и важнее всех, и легче всего сохраняется, а в случае явной избыточности легче всего используется в собственном хозяйстве. Русский город повис в безвоздушном пространстве, и случилось это после ряда хороших урожаев, при ничтожном вывозе, когда о недостатках сельскохозяйственных продуктов и речи не могло быть *.

Зимой 1927—1928 гг. положение стало критическим. У Советской власти, уничтожившей все так называемое внеплановое снабжение городов (сюда входили не одна только частная торговля, но всякие самостоятельные закупки местных кооперативов), на руках не было ни хлеба для кормления городов, ни тем более для вывоза. Оставалось или резко повернуть вспять, или сделать последние шаги по уже раз пройденному пути строительства «интегрального социализма». Подгоняемая демагогической агитацией оппозиции, которая не осталась без влияния на рабочий класс, правящая олигархия пошла вторым путем.

---

* То объяснение, которое мы здесь даем современному кризису, не претендует на оригинальность. Всякий, кто внимательно следит за русскими экономическими журналами, вероятно, заметит, что я лишь более выпукло формулирую те мысли, которые высказывает большинство видных экономистов в России, свободных от официальной догмы. Но высказывать эти мысли им приходится с большой опаской, ибо они в некоторых отношениях считаются контрреволюционными; неприкрытое их высказывание уже имело для некоторых экономистов печальные последствия. Во-первых, в этих мыслях заключается осуждение усиленной индустриализации. Во-вторых, в них заключается сомнение в целесообразности быстрого поднятия заработной платы. Наконец, в них заключается сомнение во всемогуществе государственной власти на рынке и мысль, что законы рыночного равновесия писаны и для советского хозяйства.

Официальная, правоверная, марксистская версия другая. Кризис есть результат диспропорции между развитием промышленности и сельского хозяйства — того, что промышленность развита слабее, чем сельское хозяйство. Эта диспропорция — наследие «проклятого» режима, и усиленной индустриализацией ее надо изжить. Официальная доктрина забывает, что в Аргентине и в Германии имеются еще большие диспропорции: в первой—колоссальное преобладание сельскохозяйственной продукции над промышленной, а во второй — колоссальное преобладание промышленной продукции над сельскохозяйственной. И все же обе страны живут и не тужат — на то и существует международная торговля, чтобы такие диспропорции выравнивать. Вообще явление товарного голода в буржуазном мире неизвестно. Впрочем, это объяснение, как явно несостоятельное, теперь уже не выдвигается правоверными экономистами.

Что касается зарубежной прессы, то большая часть ее усматривает в наличии товарного голода подтверждение ее мнения, что с количественной стороны производительность советского хозяйства остается ничтожной, и что вся советская статистика, свидетельствующая о росте производства, есть сплошной блеф. Эта часть прессы упускает из виду, что проблема рыночного равновесия в известной мере независима от размеров производства. В 1916 г. русские города голодали, в то время, как в степях амбары ломились от хлеба. И при Советской власти бывали периоды, когда рыночное равновесие осуществлялось на гораздо более низком уровне производства. Товарный голод есть совершенно специфическое явление «планового», регулируемого хозяйства, и только из совершенно специфических условий того хозяйства он может быть понят.

Нэп предполагает сотрудничество с частным хозяйством, хотя бы ограниченным в своих правах и лишенным своих капиталистических надстроек, и поэтому систематическое разрушение частного хозяйства являлось уже существенным его ограничением. Однако самый исходный принцип нэпа — формально свободное распоряжение со стороны крестьянства его продуктами — оставался до сих пор незыблемым. Зимой 1927—1928 гг. Советская власть нарушила и этот принцип. Под лозунгом борьбы с кулаком был объявлен поход против крестьянства. То, что случилось зимой 1927—1928 гг., не ограничивалось изъятием хлеба у отдельных богатых крестьян. Торговля зерном, а также некоторыми другими сельскохозяйственными продуктами была приостановлена, базары были закрыты, и Советская власть приступила к систематическому изъятию зерна у крестьян. Так были изъяты сотни миллионов пудов. Изъятия распространились и на другие продукты, в особенности на лен. Одновременно с этим была предпринята выкачка у крестьян денежных средств путем принудительного размещения крестьянского займа и так называемого «самообложения». Для поощрения крестьян в деревню производящих районов было, правда, переброшено и, конечно, весьма беспорядочно немало товаров, так что их некоторое время стало недоставать в городе. Но не на свободном обмене строилась акция Советской власти.

Большевистское действо как будто удалось. Крестьян основательно обобрали, и как будто даже восстановилось рыночное равновесие. Коммунистическая пресса ликовала.

Ликование это было, однако, недолговременно. Большевики еще не сознавали рокового значения предпринятого ими шага. Они не сознавали, что процесс разрушешения системы нэпа этим шагом завершен.

И большевики это скоро ощутили. Достаточно было весной 1928 г. ослабить гнет, и приток хлеба сразу прекратился, ибо крестьяне решительно отказывались его продавать. В общем, несмотря на грандиозные принудительные изъятия, хлеба было собрано в 1927—1928 гг. меньше (96%), чем в предыдущем году. Если теперь принять во внимание, что неплановое снабжение прекратилось, что городское население быстро растет, что частную торговлю очень трудно заменить, то будет ясно, что о регулярном снабжении внутреннего рынка не могло быть и речи.

Одновременно с этим большой размах строительства и расширение промышленности потребовали значительного импорта оборудования и сырья. Хотя ввоз предметов потребления был сведен к совершенно ничтожному минимуму, тем не менее общая сумма ввоза не могла не вырасти. Между тем о вывозе из России зерна не могло быть и речи. Правительство сделало громадные усилия, чтобы сбалансировать ввоз. Все закупленное масло, все яйца и многие другие продукты были выброшены на внешний рынок, и города остались без них. Удалось значительно повысить экспорт некоторых промышленных продуктов, в особенности нефти. Но компенсировать выпадение хлеба из экспорта невозможно. Баланс внешней торговли закончен в 1927—1928 гг. с дефицитом в 175 млн. руб., каковой является для Советской России совершенно невыносимым; он грозит приостановкой заграничных платежей.

Уже в 1928 г. обнаружились грозные последствия похода против крестьянства. Подъем сельского хозяйства уже в 1927 г. существенно замедлился; это замедление было следствием чрезмерного давления на цены зерна. В 1928 г. впервые после 1922 г. посевная площадь зерновых хлебов сократилась на 2,4 млн. га, а двух важнейших продовольственных хлебов, пшеницы и ржи — даже на 5,9 млн. га. К осени началась массовая распродажа скота, мясо подешевело. Это крестьяне заблаговременно распродавали свой скот, чтобы уменьшить единицы обложения. Можно опасаться, что вслед за сокращением посевов пойдет и упадок скотоводства. Осенью 1928 г. были приняты меры для повышения посевной площади у беднейших крестьян; однако сокращение посевных площадей у состоятельных крестьян было столь значительно, что посевная площадь озимых опять уменьшилась на 3% против осени 1927 г. И нет никаких надежд на то, что весной это падение удастся компенсировать. Возврат к большевистскому «социализму» опять ведет не только к разрыву нормальных связей между деревней и городом, но и к разрушению сельского хозяйства.

Июльский (1928 г.) пленум Коммунистической партии почуял надвигающуюся грозу. Правящая олигархия сочла нужным торжественно на нем заявить, что она не предполагала отменять нэп, что массовые изъятия сельскохозяйственных продуктов

это так себе, только маленькое intermezzo, что во всем повинны местные головотяпы, которые ложно истолковали директивы центра. Чтобы задобрить крестьянство, ему была объявлена милость —15%-ная надбавка на цену хлеба. Гораздо большее значение, однако, имеет другое решение. Постановлено, что отныне правительство слагает с себя обязанность снабжать сельскохозяйственными продуктами все в нем нуждающееся население. Оно впредь предлагает снабжать сельскохозяйственными продуктами только столицы, центры индустрии, армию, словом, только те элементы населения, с *которыми оно считает себя особенно связанным. Прочие элементы населения* должны сами о себе заботиться. Здесь мы имеем, таким образом, попытку отступления Советской власти. Если значительная часть населения должна сама заботиться о своем продовольствии, то тем самым внеплановые заготовки и частная торговля сельскохозяйственными продуктами опять допускаются.

Однако дезорганизовать сельскохозяйственный рынок и разрушить и без того слабую частную торговлю на нем, конечно, легче, чем его привести в порядок. На беду в двух важнейших производительных районах России — на степной Украине и на Северном Кавказе — приключился в 1928 г. неурожай. Правда, зато на востоке, на Заволжье, в Казахстане, в Сибири, урожай был хороший. Советская власть уверяет, что, в общем, урожай не хуже, чем в 1927 г. Но вывезти хлеб из восточных окраин — дело трудное, и урожай на востоке не может компенсировать неурожая в важнейших районах Европейской России.

Между тем к моменту реализации урожая 1928 г. дезорганизация рынков дошла уже до того, что во многих районах за пуд ржаной муки платили 6—8 руб.*. Железные дороги, пароходы наполнились опять ордами мешочников — этими символами высшей меры дезорганизации народного хозяйства, которые в годы нэпа было исчезли. Но там, где дело дошло до появления мешочников, там о нормальных ценах не может быть и речи.

Тот процесс, который в стремительном темпе идет в России, начиная с января 1928 г., сводится к быстрому обесцениванию денег, к разрушению рыночного оборота и к возврату к натуральным и принудительным формам обмена. О том, насколько этот процесс уже далеко продвинулся, можно судить по тому, что согласно месячным обзорам Госплана, базарные цены на зерно зимой 1928—1929 гг. в три и в четыре раза превышали казенные цены. Этот подъем рыночных цен на зерно является, конечно, решающим для всего народного хозяйства. Наряду с этим установились громадные *различия между ценами зерна в различных районах.*

При указанном громадном отстоянии вольных цен от нормированных о добровольном получении зерна, а также и других сельскохозяйственных продуктов государством уже не может быть речи, их приходится получать в порядке прямого или косвенного принуждения. Кооперативы, которым менее удобно прибегать к приемам прямого принуждения, выдают крестьянам индустриальные товары лишь при условии сдачи ими сельскохозяйственных продуктов. Денежный обмен, таким образом, заменяется натуральным, деньги выпадают из обращения и обесцениваются. Что касается государственных торговых организаций, то они пользуются «методами общественного воздействия» на крестьян, под каковой формулой разумеется прямое принуждение. Но сильно разросшееся при нэпе народное хозяйство не может держаться на принудительных началах, а потому естественным следствием разрушения нормальных рыночных отношений явился возврат в городах к карточной системе распределения продуктов. Важные отрасли промышленности стоят перед угрозой остаться без сырья.

Опасное положение, создавшееся в народном хозяйстве, не могло не встревожить часть руководящих коммунистов. Но, как известно, на XVI Партконференции, имевшей место в истекшем апреле, Сталину удалось одержать полную победу над так называемым «правым уклоном». Следовательно, установка хозяйственной политики на быструю индустриализацию, на «плановое хозяйство» и на принудительные мероприятия остается в силе.

В текущем 1928—1929 гг. предполагается затратить на капитальное строительство еще больше средств, чем их было затрачено в минувшем 1927—1928 гг. Так как име-

---

* Проф. С. А. Первушин. Народное хозяйство СССР в третьем квартале 1927—1928 гг. «Экономическое обозрение», 1928 г., август, с. 104.

ются все основания думать, что крестьянство не захочет отдать своих реальных товаров за будущие блага, которые проистекут от индустриализации, то предполагается сделать «социалистический» сектор независимым от упрямого крестьянина путем массового создания совхозов и колхозов. Эта, казалось, уже похороненная идея опять всплыла, и на строительство совхозов и колхозов теперь ассигнуются крупные средства, которые следовало бы затратить на поддержку приходящего опять в упадок крестьянского хозяйства. Кроме того, предполагается закабалить крестьян с помощью массовой контрактации посевов.

Выход из все обостряющегося кризиса пока еще не наметился, и пришедшее в минимальный порядок русское народное хозяйство опять возвращается в хаотическое состояние.

VI. Заключение

Не только среди марксистов, но и среди широких кругов интеллигенции, считающей себя свободной от догм марксизма, было широко распространено убеждение, что развитие капитализма должно завершиться социальной революцией. Последняя должна наступить прежде всего в странах наивысшего развития индустриализма и капитализма. Если бы социальная революция случилась в Англии или в Германии, то большая часть русской интеллигенции в прежние годы нашла бы такое событие совершенно в порядке вещей и почитала бы его для английского или немецкого народа, пожалуй, за счастье.

В действительности, однако, капиталистические страны, проявившие колоссальную силу сопротивления в войне, выказали также поразительную устойчивость и во время революционных потрясений после войны. Если существующий в Германии социальный строй остался в своей основе невридимым, несмотря на глубокое душевное потрясение народа, несмотря на совершившийся политический преворот, несмотря на сильную временную дезорганизацию народного хозяйства, то это является замечательным свидетельством его поразительной прочности. Очевидно, что его взрыв в революционном порядке становится маловероятным. Послевоенные события эмпирически подтвердили несостоятельность учений революционного марксизма; принципиальные же ошибки этого учения выявились уже давно.

Ошибочен самый исходный пункт всех эсхатологических учений марксизма о неизбежном обнищании народных масс в капиталистическом обществе. Надо считать доказанным как раз обратное положение: в условиях развитого капитализма трудящиеся массы достигают как раз наивысшего уровня благосостояния. Надо, кроме того, принять во внимание, что капитализм совмещается и с демократией, и с гражданской свободой. Все это вместе является решающим обстоятельством, делающим капитализм устойчивым.

Другой момент, увеличивающий его устойчивость, состоит в том, что значение средних классов в капиталистическом обществе остается более значительным, чем это себе представляет Маркс. Известные, по марксистской терминологии, мелкобуржуазные элементы умеют в недрах капиталистического общества сохранить свою экономическую самостоятельность. Это относится прежде всего к крестьянству. Сомкнувшись для защиты своих экономических интересов в кооперативные организации, крестьянство совсем не думает сдавать своих позиций. Наоборот, этот класс отвоевывает все новые позиции у крупного землевладения. И в торговле, и в ремесле позиции мелкого хозяйства еще довольно прочны. Но средний класс, не в смысле экономической независимости, а в смысле экономической состоятельности, возникает и в недрах самого капитализма. Последнему нужны высококвалифицированные служащие, и он, хорошо их вознаграждая, создает, таким образом, значительный средний по состоятельности класс. Это наличие средних классов в означенных двух смыслах содействует укреплению существующей социальной системы.

Самая структура капитализма с течением времени совсем не упрощается, а чрезвычайно осложняется. Картина противостояния нескольких магнатов капитализма нищей массе оказывается совершенно фантастичной. С тех пор, как акционерная форма получила решительное преобладание во всех крупных предприятиях, владение капиталом является весьма разлитым. Вожди капитализма действуют не столько от своего

лица, сколько в качестве уполномоченных безличных масс капитала, принадлежащего широким кругам населения.

Сложности хозяйственных отношений внутри капиталистических государств соответствует их сложная взаимозависимость. Без высокоразвитой внешней торговли и без целого ряда других весьма сложных взаимоотношений с иностранными государствами современное развитое капиталистическое хозяйство себе и мыслить нельзя.

Если, таким образом, опасности социальной революции чрезвычайно возросли, то в то же время выяснилось, что и капиталистический строй не представляется чем-то совершенно однородным и неподвижным.

Современное демократическое государство нет достаточных оснований считать чисто капиталистическим. Наличие в нем хотя бы организованного в кооперации крестьянства, а также и других экономических формаций указывает на известную разнородность его структуры, несмотря на ведущую роль капитализма. И еще меньше имеется оснований рассматривать современное демократическое государство как чисто буржуазное. Наоборот, оно уже доказало, что оно может быть социальным, что оно может обернуться лицом к трудящимся классам.

Вот эти обстоятельства и заставили европейскую социал-демократию отойти от идеи социальной революции, то есть в сущности, марксизма. Западноевропейская социал-демократия на наших глазах превращается в партию социальных реформ и теряет свой классовый характер. Параллельно с этим социально-экономический строй послевоенной Западной Европы, в особенности репрезентативной ее страны, Германии, подвергается глубоким переменам. Введение таких институтов, как страхование от безработицы, как принудительный арбитраж в спорах между капиталом и трудом, как признание центров профессиональных союзов представительством от рабочего класса и т. п., чревато необозримыми последствиями.

Европа оказалась для социальной революции «незрелой», и мы не предвидим, чтобы она когда-нибудь для нее «созрела». Но «зрелой» оказалась для нее как раз Россия. Именно потому, что капитализм, который и в России создал могущественные организации, не успел еще пропитать ткани народного организма,— именно поэтому попытка социальной революции, которая в русской истории неоднократно возникала, здесь имела еще шансы на успех. Обнаружив, вследствие слабого развития капитализма, недостаточную силу сопротивления в войне, Россия оказалась неустойчивой и против связанных с войной социальных потрясений. Капитализм еще не успел развить производительных сил страны и не дал рабочему классу того, что он ему дал в передовых странах Европы, и малокультурный русский рабочий класс с легким сердцем пошел на его разрушение.

Но была еще одна важная особенность социального строя России, которая сделала социальную революцию в ней возможной. На Западе революционные порывы рабочего класса встречали всегда противодействие со стороны крестьянства. В России этого не случилось, ибо русское крестьянство института частной собственности на землю — это важнейшее в условиях сельской жизни орудие производства —не выработало. Русское крестьянство не выступило против рабочей революции, а, наборот, использовало ее для того, чтобы осуществить свой исконный идеал — черный передел земли, и этим шагом оно связало свою судьбу с судьбой рабочей революции. Использовать крестьянскую революцию для захвата власти коммунистической партией — это и было центральной идеей Ленина, это и есть то, что именуется ленинизмом. Отсутствие у русских народных масс привычки к самоуправлению и отсутствие какого-либо интереса к гражданской свободе сделали возможным те крайние формы диктатуры, которые являются необходимой предпосылкой всякой попытки строительства социализма в революционном порядке.

Так Россия проделала два опыта строительства большевистского «социализма». Первый опыт интегрального социализма должен был быстро потерпеть крушение, ибо идея безрыночного и безденежного народного хозяйства внутренне несостоятельна. Коммунистическая партия вынуждена была пойти на известное ограничение своей идеи. Второй опыт ограничивается лишь социализированием так называемых «командных высот» народного хозяйства. Одновременно с этим самоограничением выявляется и истинная социальная природа большевистского социализма. Отказавшись от немед-

ленного охвата всего народного хозяйства, он тем самым отказывается от идеи бесклассового государства. Большевистский «социализм» строится за счет эксплуатации крестьянства — эту мысль отчетливо выразил известный теоретик коммунизма, находящийся теперь в оппозиции, Преображенский. Правда, по мнению Преображенского, эксплуатация крестьянства должна служить цели «первоначального социалистического накопления». Фактически здесь присоединяется, конечно, другая цель. Социализм служит тем, кто его строит, то есть рабочему классу и его руководителям, коммунистам. Бухарин, теперешний правоверный теоретик марксизма в России, по существу, не возражал против того, что социализм строится на эксплуатации крестьянства, он лишь находил выражение «эксплуатация» неуместным. Капиталисты стремятся к «первоначальному капиталистическому накоплению» для увековечения эксплуатации, между тем как коммунисты стремятся к «первоначальному социалистическому накоплению» во имя отмены всех классов и уничтожения всякой эксплуатации. Стало быть, разница заключается лишь в благих намерениях коммунизма. Но ведь доподлинно благими намерениями ад вымощен. Идея принудительного вовлечения всех отраслей народного хозяйства, в частности сельского хозяйства, в социализм, является вполне утопичной, а потому о том, что эксплуатация не вовлеченных в социализм элементов, прежде всего крестьянства, когда-либо окончится,— об этом не может быть речи.

В соответствии с этим в коммунистической России лозунг «равенства» объявлен мелкобуржуазным. Социалистическое хозяйство также невозможно построить на равном вознаграждении всех в нем работающих, как и всякое другое. Но, что для строя Советской России характерно, так это то, что при значительной сглаженности имущественного неравенства оно, в отличие от буржуазных государств, принципиально отвергает равенство граждан перед законом. Оно откладывает это уравнение до того времени, когда классы будут уничтожены, то есть ad Calendas Greacas. Несовершенство экономической организации приводит к тому, что Советская власть не может создать сколько-нибудь благоприятного положения для рабочего класса; оно, конечно, несравненно хуже, чем экономическое положение рабочего класса в капиталистических государствах. Тем больше стремится Советская власть укрепить за собой симпатии коммунистов и рабочего класса путем правовых привилегий. Русское государство стало опять сословным — таким, каким оно было до реформ Александра II. Но, конечно, ранг сословий теперь совершенно иной. Если дореформенная Россия была дворянской и бюрократической, то пореволюционная Россия стала рабочей и коммунистической.

Не подлежит сомнению, что второй опыт строительства социализма большевиками привел к созданию общественного строя, который уже отличается некоторой минимальной устойчивостью и с хозяйственной, и с политической точки зрения. Плохо или хорошо, но «социалистические» организации все же выполняют функции капиталистических. В то же время, подняв несколько экономическое положение рабочего класса и поставив его в правовом отношении в привилегированное положение, коммунистическая власть создала себе в нем известную политическую опору.

Однако, как мы показали, «социалистические» организации выполняют функции капиталистических весьма несовершенно,— они работают и дорого, и плохо. Как мы показали, дело заключается совсем не в том, что большевики головотяпы. Опыт — дело наживное, и нельзя сказать, чтобы коммунисты не учились хозяйничать. Гораздо хуже то, что «социалистические» организации, по существу, не проникнуты принципом о достижении наибольших результатов с наименьшими затратами, который составляет душу здорового хозяйства и который глубоко проникает весь капитализм.

Система «командных высот» могла в течение ряда лет сохранять товарно-денежные формы лишь благодаря компромиссу, заключенному в 1921 г. с частной торговлей и частной пормышленностью. Как ни узки были рамки, в которые последние были поставлены, все же они были чрезвычайно важными автоматическими регуляторами советского «планового хозяйства». Если Советская власть назначала слишком низкие цены на зерно, то являлся частный торговец и их повышал. Если маслотрест назначал слишком низкую цену на маслосемена, то они скупались кустарными маслобойнями, которые платили за них крестьянам высшую цену. «Красные купцы» сердились на нарушение своих так хорошо разработанных планов, но в конце концов они вынуждены были с этими фактами считаться и повышать цены. Если синдикаты оставляли те или

другие районы без индустриальных товаров, то частные торговцы скупали их и туда направляли. Хоть и не дешево, но крестьянин все же имел возможность купить тот товар, который ему был нужен. Это ставило границы эксплуатации крестьянства на рынке со стороны «социалистического сектора», это вовлекало крестьянина в обмен и было причиной сравнительно быстрого восстановления народного хозяйства.

Если бы после использования буржуазного наследия коммунистическая власть не торопилась индустриализировать страну, а ограничилась поддержанием немногочисленного привилегированного рабочего класса, если бы она добросовестно поддерживала компромисс, октроированный в 1921 г. частному хозяйству, и предоставила последнему регулировать меру эксплуатации крестьянства со стороны «социалистического сектора», то такой хозяйственный строй мог бы, быть может, некоторое время держаться. Процветать Россия при таком строе не могла бы, но прозябать некоторое время могла бы. Решение тяжкой проблемы аграрного перенаселения пришлось бы предоставить крестьянству, которое «своими средствами» не без периодических голодовок его бы решало. О мировой революции пришлось бы забыть думать.

Но такое самоограничение для революционной власти невозможно. Оно связано широкими обетованиями внутри, оно связано своими обетованиями спасти все человечество вовне.

В своем стремлении быстрым темпом индустриализировать страну и значительно улучшить положение рабочего класса Советская власть довела развитие «планового» хозяйства до конца и опять уничтожила те автоматические регуляторы народного хозяйства, которыми оно еще располагало в частном хозяйстве. Планы стали, наконец, осуществляться, товары стали действительно покупаться и продаваться по регулируемым ценам, и именно в силу этого товарно-денежные формы были разрушены и народное хозяйство стало погружаться в натурально-хозяйственный хаос, который остается регулировать продовольственными карточками и принуждением.

С победой Сталина на последней Партконференции Россия опять вступила в катастрофический период своего развития. Выход из создавшегося положения без серьезного политического сдвига становится невозможным.

Можно, однако, полагать, что те общественные силы, которые нужны для такого сдвига, за годы нэпа уже сложились.

Новая попытка Советской власти расколоть крестьянство, которая в 1918 г. увенчалась некоторым успехом, сейчас безнадежна. Деревенская беднота получила тогда от Советской власти все, что она ей могла дать, и теперь Советской власти уже нечем ее соблазнить. Крестьянство теперь слабо дифференцировано, и меры, принимаемые под флагом борьбы с кулачеством, ударяют по всему крестьянству в целом. Последнее это понимает. Крестьянство ощетинилось против Советской власти, в деревне идет кровавая борьба против нее и положение здесь начинает напоминать зиму 1921 г.

Все же крестьянство недостаточно организовано, и решающим является положение в городах и настроение рабочего класса. Однако и там положение коммунистического режима начинает колебаться.

Коммунистическая власть является в России важнейшим работодателем, она ежемесячно выкладывает более 600 млн. червонных руб. заработной платы и жалованья. Пока ей так или иначе удавалось добиться того, чтобы эти деньги сохраняли реальное значение. Это положение начинает меняться в связи со всевозрастающими продовольственными затруднениями. Если наступит момент, когда громадная армия рабочих и служащих почувствует, что выплачиваемые им деньги теряют свое реальное значение, и что они стоят перед наступлением тех самых бедствий, мрачное воспоминание о коих еще не изгладилось из их памяти,— если такой момент наступит, то он может стать роковым для правящей олигархии.

Для того чтобы революционные достижения рабочего класса были прочны, они не должны основываться на эксплуатации других классов, в особенности крестьянства. Высокому вознаграждению рабочих должна соответствовать и высокая производительность их труда, а это достижимо лишь при обильном оплодотворении русской

промышленности капиталом. Но бедная крестьянская страна сейчас этого капитала дать не может, он может прийти только из-за границы. Международная конъюнктура для перелива иностранного капитала в Россию благоприятна, остановка только за тем, что в России не имеется необходимого для капитала правового строя. И экономические достижения рабочих будут прочны только тогда, когда улучшится и положение крестьянства. Но для этого его надо освободить от неимоверной эксплуатации со стороны монополистических организаций советского «социализма». Ему должна быть дана возможность выйти на рынок, внутренний и внешний, через конкурирующие между собой капиталистические организации и через кооперативы, не фальсифицированные, а действительно свободные. Россия нуждается в широком развитии капитализма.

Однако совершенно неправильно было бы думать, что между капитализмом и между коммунизмом может быть заключен какой-либо прочный компромисс. Между капитализмом, предпосылкой которого является правовой порядок, и между коммунизмом, в смысле революционного социализма, предпосылкой коего является режим диктатуры, никакого прочного компромисса заключено быть не может, и история нэпа это доказала. Чтобы Россия вышла из того тупика, в который она попала, коммунизм должен быть окончательно преодолен и без остатка элиминирован из народной жизни.

По просьбе журнала «Общественные науки и современность»

Журнал «Общественные науки и современность» обращает внимание подписчиков на то, что в каталоге «Газеты и журналы на 1992 год» наше издание ошибочно дано под названием «Общественные науки». Индекс 70677 указан правильно. Цена подписки осталась прежней.

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 31.08.91. Подписано к печати 19.09.91. Формат 70×108 1/16. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,00. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 15,50. Тираж 47 000 экз. Заказ № 854. Цена 2 руб.

Адрес редакции: 117218 Москва, ул. Красикова, 27. Тел. 129-04-54. Год издания 63-й.

Типография издательства «Правда». 125865 ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.